

Между послѣдними особенное вниманье обращалъ на себя небольшаго роста человѣкъ, обтянутый отъ груди до ногъ въ полосатое трико съ двумя большими бабочками, нашитыми на груди и на спинѣ. По лицу его, густо замазанному бѣлыми, съ бровями, перпендикулярно выведенными поперекъ лба и красными кружками на щекахъ, невозможно было бы сказать, сколько ему лѣтъ, если-бы онъ не снялъ съ себя парика какъ только окончилось представление и не обнаружилъ этимъ широкой лысины, проходившей черезъ всю голову.

Онъ замѣтно обходилъ товарищѣй, не вмѣшивался въ ихъ разговоры. Онъ не замѣталъ, какъ многіе изъ нихъ подталкивали другъ друга локтемъ и шутливо подмигивали, когда онъ проходилъ мимо.

При видѣ вошедшаго режиссера онъ попятился, быстро отвернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ уборнымъ; но режиссеръ поспѣшилъ остановить его.

— Эдвардсъ, погодите минутку; успѣте еще раздѣться! сказалъ режиссеръ, внимательно поглядывая на клоуна, который остановился, но повидимому, неохотно это сдѣлалъ,—подождите, прошу васъ; мнѣ надо только переговорить съ фрау Браунъ... Гдѣ мадамъ Браунъ? Позовите ее сюда... А, фрау Браунъ! воскликнулъ режиссеръ, обратясь къ маленькой хромой, уже не молодой женщинѣ въ салопѣ, также не молодыхъ лѣтъ, и шляпкѣ, еще старше салопа.

Фрау Браунъ подошла не одна; ее сопровождала дѣвочка лѣтъ пятнадцати, худенькая, съ тонкими чертами лица и прекрасными выразительными глазами.

Она также была бѣдно одѣта.

— Фрау Браунъ, торопливо заговорилъ режиссеръ, бросая снова испытующій взглядъ на клоуна Эдвардса,—господинъ директоръ недоволенъ сегодня вами,—или все равно, вашей дочерью;—очень недоволенъ!.. Ваша дочь сегодня три раза упала и третій разъ такъ неловко, что перепугала публику!..

— Я сама испугалась, тихимъ голосомъ произнесла фрау Браунъ,—мнѣ показалось, Мальхенъ упала на бокъ...

— А, па-па-ли-па! Надо больше репетировать, вотъ что! Дѣло въ томъ, что такъ невозможно; получая за вашу дочь сто двадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья...

— Но, господинъ режиссеръ, Богъ свидѣтель, во всемъ виновата лошадь; она постоянно сбивается съ такта; когда Мальхенъ прыгнула въ обручъ,—лошадь опять перемѣнила ногу и Мальхенъ упала... вотъ всѣ видѣли, всѣ тоже скажутъ...

Всѣ видѣли,—это правда: но всѣ молчали. Молчала также виновница этого объясненія; она ловила случай, когда режиссеръ не смотрѣлъ на нее и робко на него поглядывала.

— Дѣло извѣстное, всегда въ такихъ случаяхъ лошадь виновата, сказалъ режиссеръ.—Ваша дочь будетъ однако-жъ на нейѣѣздить сегодня вечеромъ.

— Но она вечеромъ не работаетъ...

— Будетъ работать, сударыня! Должна работать!.. раздраженно проговорилъ режиссеръ.—Васъ нѣть въ расписаніи, это правда, подхватилъ онъ, указывая на писанный листъ бумаги, привѣшенный къ стѣнѣ надъ доскою, усыпанной мѣломъ и служащей артистамъ для обтирания подошвъ передъ выходомъ на арену,—но это все равно; жонглеръ Линдъ внезапно захворалъ, ваша дочь займетъ его номеръ.

— Я думала дать ей отдохнуть сегодня вечеромъ, проговорила фрау Браунъ, окончательно понижая голосъ, теперь масляница; играютъ по два раза въ день; дѣвочка очень устала...

— На это есть первая недѣля поста, сударыня; и наконецъ въ контрактѣ ясно кажется сказано: „артисты обязаны играть ежедневно и замѣнять другъ друга въ случаѣ болѣзни“... Кажется ясно; и наконецъ, фрау Браунъ: получая за вашу дочь ежемѣсячно сто двад-

цать рублей, стыдно кажется говорить объ этомъ;—именно стыдно!..

Отрѣзавъ такимъ образомъ, режиссеръ повернулся къ ней спиной. Но прежде чѣмъ подойти къ Эдвардсу, онъ снова обвелъ его испытующимъ взглядомъ.

Притупленный видъ и вообще вся фигура клоуна, съ его бабочками на спинѣ и на груди, не предвѣщали на опытный глазъ ничего хорошаго; они явно указывали режиссеру, что Эдвардсъ вступилъ въ періодъ тоски, послѣ чего онъ вдругъ начиналъ пить мертвую; и тогда уже прощай всѣ расчеты на клоуна,—расчеты самые основательные, если принять во вниманіе, что Эдвардсъ былъ въ труппѣ первымъ сюжетомъ, первымъ любимцемъ публики, первымъ потѣшникомъ, изобрѣтавшимъ чуть ли не каждое представление что нибудь новое, заставлявшее зрителей смыться до упаду и хлопать до неистовства. Словомъ, онъ былъ душою цирка, главнымъ его украшеніемъ, главной приманкой.

Боже мой, что могъ-бы сказать Эдвардсъ въ отвѣтъ товарищамъ, часто хваставшимъ передъ нимъ тѣмъ, что ихъ знала публика и что они бывали въ столицахъ Европы! Не было цирка въ любомъ большомъ городѣ отъ Парижа до Константинополя, отъ Копенгагена до Палермо, гдѣ-бы не хлопали Эдвардсу, гдѣ-бы не печатали на афишахъ его изображеніе въ костюмѣ съ бабочками! Онъ одинъ могъ замѣнять цѣлую труппу, бывъ отличнымъ наездникомъ, эквилибристомъ, гимнастомъ, жонглеромъ, мастеромъ дрессировать ученыхъ лошадей, собакъ, обезьянъ, голубей,—а какъ клоунъ, какъ потѣшникъ,—не зналъ себѣ соперника. Но припадки тоски въ связи съ запоемъ преслѣдовали его повсюду.

Все тогда пропадало. Онъ всегда предчувствовалъ приближеніе болѣзни; тоска, овладѣвавшая имъ, была ничего больше, какъ внутреннее сознаніе безполезности борьбы; онъ дѣлался угрюмымъ, несообщительнымъ. Гибкій, какъ сталь, человѣкъ превращался въ тряпку,—чemu втайне радовались его завистники и что пробуждало состраданіе между тѣми изъ главныхъ артистовъ, которые признавали его авторитетъ и любили его; послѣднихъ, надо сказать, было немного. Самолюбіе большинства было всегда болѣе или менѣе задѣто обращеніемъ Эдвардса, никогда не соблюдавшаго степеней и отличий; первый-ли сюжетъ, явившійся въ труппу съ извѣстнымъ именемъ, простой-ли смертный темнаго происхожденія,—для него было безразлично. Онъ явно даже предпочиталъ послѣднихъ.

Когда онъ былъ здоровъ, его постоянно можно было видѣть съ какимъ нибудь ребенкомъ изъ труппы; за неимѣніемъ такого, онъ возился съ собакой, обезьянкой, птицей и т. д.; привязанность его рождалась всегда какъ-то вдругъ, но чрезвычайно сильно. Онъ всегда отдавался ей тѣмъ упорнѣе, чѣмъ дѣлался молчаливѣе съ товарищами, начиналъ избѣгать съ ними встрѣчъ и становился все болѣе и болѣе сумрачнымъ.

Въ этотъ первый періодъ болѣзни, управлѣніе цирка могло еще на него разсчитывать. Представленія не успѣвали еще утрачивать надъ нимъ своего дѣйствія. Выходя изъ уборной въ трико съ бабочками, въ рыжемъ парикѣ, набѣленный и нарумяненный, съ перпендикулярно наведенными бровями, онъ видимо еще бодрился, присоединяясь къ товарищамъ и приготовляясь къ выходу на арену.

Прислушиваясь къ первымъ взрывамъ аплодисментовъ, крикамъ: браво!—звукамъ оркестра,—онъ постепенно какъ-бы оживалъ, воодушевлялся, и стоило режиссеру крикнуть: клоуны впередъ!...—онъ стремительно вылеталъ на арену, опережая товарищѣй; и уже съ этой минуты, посреди взрывовъ хохота и восторженныхъ браво!—неумолкаемо раздавались его пискливые возгласы и быстро, до ослѣпленія, кувыркалось его тѣло, сливаюсь при свѣтѣ газа въ одно круговое непрерывное сверканье...

Русские типы. Мальчикъ малороссъ, Ориг. рисун. М. Клясъ, грав. Ю. Баановскій.

Русские типы. Девушка малороссиянка. Ориг. рисун. М. Кляссъ, грав. Ю. Барановский.

Но кончалось представленье, тушили газъ — и все какъ рукой сымало! Безъ костюма, безъ бѣлизны и румянъ, Эдвардсъ представлялся только скучающимъ человѣкомъ, старательно избѣгавшимъ разговоровъ и столкновеній. Такъ продолжалось нѣсколько дней, послѣ чего наступала самая болѣзнь; тогда ничего уже не помогало; онъ все тогда забывалъ; забывалъ свои привязанности, забывалъ свой циркъ, который, съ его освѣщенной ареной и хлопающей публикой, заключалъ въ себѣ всѣ интересы его жизни. Онъ исчезалъ даже совсѣмъ изъ цирка; все пропивалось; пропивалось накопленное жалованье, пропивалось не только трико съ бабочками, но даже парикъ и башмаки, шитые блестками.

Понятно теперь, отчего режиссеръ, слѣдившій еще съ начала масляницы за возраставшимъ уныніемъ клоуна, поглядывалъ на него съ такимъ беспокойствомъ. Подойдя къ нему и бережно взявъ его подъ руку, онъ отвелъ его въ сторону.

— Эдвардсъ, произнесъ онъ, понижая голосъ и совершенно дружественнымъ тономъ, — сегодня у насъ пятница; остались суббота и воскресенье, — всего два дня! Что стоитъ переждать, а?.. Прошу васъ обѣ этомъ; директоръ также проситъ... Подумайте наконецъ о публике! Вы знаете, какъ она васъ любить!. Два дня всего! прибавилъ онъ, схватывая его руку и принимаясь раскачивать ее изъ стороны въ сторону; — кстати, вы что хотѣли сказать мнѣ о гуттаперчевомъ мальчикѣ, подхватилъ онъ, очевидно болѣе съ цѣлью развлечь Эдвардса, такъ какъ ему было извѣстно, что клоунъ въ послѣднее время выражалъ особенную заботливость къ мальчику, что служило также знакомъ приближавшейся болѣзни, — вы говорили, онъ сталъ какъ будто слабѣе работать... Мудренаго нѣть: мальчикѣ въ рукахъ такого болвана, такого олуха, который можетъ только его испортить! Что-же съ нимъ?

Эдвардсъ, не говоря ни слова, тронулъ себя ладонью по крестцу, потомъ похлопалъ по груди.

— И тамъ и здѣсь не хорошо у мальчика, сказалъ онъ, отводя глаза въ сторону.

— Намъ невозможно, однакожъ, отъ него теперь отказаться; онъ на афишѣ; некѣмъ замѣнить до воскресенья; два дня пускай еще поработаетъ, — тамъ можетъ отдохнуть, сказалъ режиссеръ.

— Можетъ также невыдержать, глухо возразилъ клоунъ.

— Вы-бы только выдержали, Эдвардсъ! Вы-бы только насъ не оставили! живо и даже съ нѣжностью въ голосъ подхватилъ режиссеръ, принимаясь снова раскачивать руку Эдвардса.

Но клоунъ отвѣтилъ сухимъ пожатиемъ, отвернулся и медленно пошелъ раздѣваться.

Онъ остановился, однакожъ, проходя мимо уборной гуттаперчеваго мальчика или, вѣрнѣе, уборной акробата Беккера, такъ какъ мальчикѣ былъ только его воспитанникомъ. Отворивъ дверь, Эдвардсъ вошелъ въ крошечную низкую комнату, расположенную подъ первой галлереей для зрителей; нестерпимо было въ ней отъ духоты и жары; къ конюшенному воздуху, разогрѣтому газомъ, присоединялся запахъ табачного дыма, помады и пива; съ одной стороны красовалось зеркальце въ деревянной рамѣ, обсыпанной пурпурой; подлѣ, на стѣнѣ, оклеенной обоями, лопнувшими по всѣмъ щелямъ, висѣло трико, имѣвшее видъ содранной человѣческой кожи; дальше, на деревянномъ гвоздѣ, торчала остроконечная войлоковая шапка съ павлинимъ перомъ на боку; нѣсколько цветныхъ камзовъ, шитыхъ блестками, и часть мужской обыденной одежды громоздились въ углу на столѣ. Мебель дополнялась еще столомъ и двумя деревянными стульями. На одномъ сидѣлъ Беккеръ, — совершенное подобіе Голіаѳа. Физическая сила сказывалась въ каждомъ его мускуль, толстой перевязкѣ костей, коротенькой шеѣ съ надутыми венами, маленькой круглой го-

ловѣ, завитой въ крутую и густо напомаженную. Онъ казался не столько отлитымъ въ форму, сколько вырубленнымъ изъ грубаго матерьяла и притомъ грубымъ инструментомъ; хотя ему было на видъ лѣтъ подъ сорокъ, — онъ казался тяжеловѣснымъ и неповоротливъ, — обстоятельство, нисколько не мѣшившее ему считать себя первымъ красавцемъ въ труппѣ и думать, что при появлѣніи его на аренѣ, въ трико тѣлеснаго цвѣта, онъ приводить въ сокрушеніе женскія сердца. Беккеръ снялъ уже костюмъ, но былъ еще въ рубашкѣ и, сидя на стулѣ, прохладжалъ себя кружкою пива.

На другомъ стулѣ помѣщался тоже завитой, но совершенно голый блокирый и худощавый мальчикѣ лѣтъ восьми. Онъ не успѣлъ еще простыть послѣ представлѣнія; на тоненькихъ его членахъ и впадинѣ посреди груди, мѣстами виднѣлся еще лоскъ отъ испарины; голубая ленточка, перевязывавшая ему лобъ и державшая его волосы, была совершенно мокрая; большія, влажныя пятна пота покрывали трико, лежавшее у него на колѣняхъ. Мальчикѣ сидѣлъ неподвижно, робко, точно наказанный или ожидающій наказанія.

Онъ поднялъ глаза тогда только, какъ Эдвардсъ вошелъ въ уборную.

— Чего надо? непривѣтливо произнесъ Беккеръ, поглядывая не то сердито, не то насмѣшило на клоуна.

— Полно, Карлъ, — возразилъ Эдвардсъ задобривающимъ голосомъ, и видно было, что требовалось на это съ его стороны нѣкоторое усиление, — ты лучше вотъ что: дай-ка мнѣ до семи часовъ мальчика; я-бы погулялъ съ нимъ до представлѣнія... Повелъ-бы его на площадь поглядѣть на балаганы...

Лицо мальчика замѣтно ожило, но онъ не смѣлъ этого явно выказать.

— Не надо, сказалъ Беккеръ, — не пущу; онъ сегодня худо работалъ.

Въ глазахъ мальчика блеснули слезы; взглянувъ украдкой на Беккера, онъ поспѣшилъ раскрыть ихъ, употребляя всѣ свои силы, чтобы тотъ ничего не примѣтилъ.

— Онъ вечеромъ лучше будетъ работать, продолжалъ задобривать Эдвардсъ, — послушай-ка, я вотъ что скажу: пока мальчикѣ будетъ простывать и одѣваться, — я велю принести изъ буфета пива...

— И безъ того есть! грубо перебилъ Беккеръ.

— Ну какъ хочешь; а только мальчику было-бы веселѣе; при нашей работе скучать не годится; самъ знаешь: веселость придаетъ силу и бодрость...

— Это ужъ мое дѣло! отрѣзалъ Беккеръ, очевидно, бывшій не въ духѣ.

Эдвардсъ больше не возражалъ. Онъ взглянулъ еще разъ на мальчика, продолжавшаго дѣлать усилия, чтобы не заплакать, покачалъ головою и вышелъ изъ уборной.

Карлъ Беккеръ допилъ остатокъ пива и приказалъ мальчику одѣваться. Когда оба были готовы, акробатъ взялъ со стола хлыстъ, свистнулъ имъ по воздуху, крикнулъ: маршъ! и, пропустивъ впередъ воспитанника, зашагалъ по коридору.

Глядя, какъ они выходили на улицу, воображенію невольно представлялся тщедушный, неоперившійся цыпленокъ, сопровождаемый огромнымъ откормленнымъ боровомъ...

Минуту спустя циркъ совсѣмъ опустѣлъ: оставались только конюхи, начинавшіе чистить лошадей для вечерняго представлѣнія.

II.

Воспитанникъ акробата Беккера назывался „гуттаперчевымъ мальчикомъ“ только въ афишкахъ; настоящее имя его было Петя; всего вѣрнѣе, впрочемъ, было бы назвать его несчастнымъ мальчикомъ.

Исторія его очень коротка; да и гдѣ-жъ ей быть длинной и сложной, когда ему минулъ всего восьмой годъ!

Лишившись матери на пятом году возраста, онъ хорошо однажды ее помнилъ. Какъ теперь видѣль онъ передъ собою тощую женщину со свѣтлыми жиенными и всегда растрепанными волосами, которая то ласкала его, наполняя ему ротъ всѣмъ, что подвертывалось подъ руку: лукомъ, кускомъ пирога, селедкой, хлѣбомъ,—то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, накидывалась, начинала кричать и въ тоже время принималась шлепать его чѣмъ ни попало и куда ни попало. Петя тѣмъ не менѣе часто вспоминалъ мать.

Онъ конечно не зналъ подробностей домашней обстановки. Не зналъ онъ, что мама его была, ни больше, ни менѣе, какъ крайне взбалмошная, хотя и добрая, чухонка, переходившая изъ дома въ домъ въ качествѣ кухарки и отовсюду гонимая, отчасти за излишнюю слабость сердца и постоянная романтическія приключенія, — отчасти за неряшливое обращеніе съ посудой, бившейся у нея въ рукахъ какъ-бы по собственному капризу.

Разъ какъ-то удалось ей попасть на хорошее мѣсто;— она и тутъ не выдержала. Не прошло двухъ недѣль, она неожиданно объявила, что выходитъ замужъ за временно-отпускаемаго солдата. Никакія увѣщанія не могли поколебать ея рѣшимости. Чухонцы, говорятъ, вообще упрямы. Но не менѣшимъ упрямствомъ отличался должно быть также и женихъ, — даромъ что былъ изъ русскихъ. Побужденія съ его стороны были впрочемъ гораздо основательнѣе. Состоя швейцаромъ при большомъ домѣ, онъ могъ уже считать себя нѣкоторымъ образомъ человѣкомъ осѣдлымъ, опредѣленнымъ. Помѣщеніе подъ лѣстницей не отличалось, правда, болѣшимъ удобствомъ: потолокъ срѣзывался угломъ, такъ что подъ возвышенной его частью съ трудомъ могъ выпрямиться человѣкъ рослый;— но люди живутъ и не въ такой тѣснотѣ; наконецъ, квартира даровая, нельзя быть взыскательнымъ.

Размыслия такимъ образомъ, швейцарь все еще какъ бы не рѣшался, пока не удалось ему случайно купить за очень дешевую цѣну самовара на Апраксиномъ дворѣ. Колебанія его при этомъ начали устанавливаться на болѣе твердую почву. Возиться съ самоваромъ дѣйствительно было какъ-то не мужскимъ дѣломъ; машина очевидно требовала другаго двигателя; хозяйка какъ-бы сама собою напрашивалась.

Анна (такъ звали кухарку) имѣла въ глазахъ швейцара то особенное преимущество, что, во первыхъ, была ему уже нѣсколько знакома; во вторыхъ, живя пососѣству черезъ домъ, — она въ значительной степени облегчала переговоры и сокращала слѣдовательно время, дорогое каждому служащему.

Предложеніе было сдѣлано, радостно принято, свадьба сыграна, и Анна переселилась къ мужу подъ лѣстницу.

Первые два мѣсяца жилось припѣвающи. Самоваръ кипѣлъ съ утра до вечера и паръ, проходя подъ косякомъ двери, клубами валилъ къ потолку. Потомъ стало какъ-то ни то, ни сѣ; наконецъ дѣло совсѣмъ испортилось, когда наступило время родовъ и затѣмъ—хочешь не хочешь, — пришлось справлять крестины. Швейцару какъ-бы въ первый разъ пришла мысль, что онъ потопропился нѣсколько, связавъ себя брачными узами. Бывъ человѣкомъ откровеннымъ, онъ прямо высказывалъ свои чувства. Пошли попреки, брань, завязались скоры. Кончилось тѣмъ, что швейцару отказали отъ мѣста, ссылаясь на постоянный шумъ подъ лѣстницей и крики новорожденного, беспокойшіе жильцовъ.

Послѣднее, безъ сомнѣнія, было несправедливо. Но новорожденный явился на свѣтъ такимъ тщедушнымъ, такимъ изнуреннымъ, что мало даже подавалъ надеждѣ прожить до слѣдующаго дня: если не соотечественница Анны, прачка Варвара, которая, какъ только родился ребенокъ, носпѣшила поднять его на руки и тряс-

ла его до тѣхъ поръ, пока онъ не крикнулъ и не заплакалъ,—новорожденный дѣйствительно могъ-бы оправдать предсказанье. Къ этому надо прибавить, что воздухъ подъ лѣстницей не имѣлъ въ самомъ дѣлѣ настолько цѣлебныхъ свойствъ, чтобы въ одинъ день восстановить силы ребенка и развить его легкія до такой уже степени, что крикъ его могъ кого-нибудь обезпокоить. Вѣрнѣе всего, дѣло заключалось въ желаніи удалить беспокойныхъ родителей.

Мѣсяцъ спустя швейцара потребовали въ казармы; въ тотъ-же вечеръ всѣмъ стало известно, что его вмѣстѣ съ полкомъ отправляютъ въ походъ.

Передъ разлукой супруги снова сблизились; на проводахъ много было пролито слезъ и еще больше пива.

Но ушелъ мужъ, — и снова начались мытарства по отысканію мѣста. Теперь только труднѣе было; съ ребенкомъ Анну никто почти не хотѣлъ брать. Такъ съ горемъ пополамъ протянулся годъ.

Анну вызвали однажды въ казармы, объявили, что мужъ убитъ и выдали ей вдовій паспортъ.

Обстоятельства ея, какъ каждый легко себѣ представить, нисколько отъ этого не улучшились. Выпадали дни, когда не на что было купить селедки и куска хлѣба для себя и для мальчика; еслибы не добрые люди, совавшіе иногда ломть или картошку, мальчикъ навѣрное-бы зачахъ и преждеизменно умеръ отъ истощенія. Судьба наконецъ сжалась надъ Анной. Благодаря участію соотечественницы Варвары, она поступила прачкой къ хозяевамъ пробочной фабрики, помѣщавшейся на Черной рѣчкѣ.

Здѣсь дѣйствительно можно было вздохнуть свободнѣе. Здѣсь мальчикъ никому не мѣшалъ; онъ могъ всюду слѣдовать за матерью и цѣплаться за ея подолъ, сколько было душѣ угодно.

Особенно хорошо было лѣтомъ, когда подъ вечеръ дѣятельность фабрики останавливалась, шумъ умолкалъ, рабочій людъ расходился, оставались только женщины, служившія у хозяевъ. Утомленная работой и дневнымъ жаромъ, женщины спускались на плотъ, усаживались по скамейкамъ, и начиналась на досугѣ нескончаемая болтовня, приправляемая прибаутками и смѣхомъ.

Въ увлеченіи бесѣды, рѣдкая изъ присутствующихъ замѣчала, какъ прибрежныя ветлы постепенно окутывались тѣнью и въ тоже время все ярче и ярче разгорался закатъ; какъ нежданно вырывался изъ-за угла соѣдней дачи косой лучъ солнца; какъ внезапно охваченная имъ макушки ветель и края заборовъ отражались вмѣстѣ съ облакомъ въ уснувшей водѣ, и какъ, одновременно съ этимъ, надъ водою и въ тепломъ воздухѣ появлялись беспокойно движущіяся сверху внизъ полчища комаровъ, обѣщавшія такую-же хорошую погоду и на завтрашній день.

Время это было безспорно лучшимъ въ жизни мальчика, — тогда еще не гуттаперчеваго, но обыкновенного, какими бываютъ всѣ мальчики. Сколько разъ потомъ рассказывалъ онъ объ Черной рѣчкѣ клоуну Эдварду. Но Петя говорилъ скоро и съ увлеченьемъ; Эдвардъ едва понималъ по-русски; отсюда выходилъ всегда цѣлый рядъ недоразумѣній. Думая, что мальчикъ разсказываетъ ему о какомъ-то волшебномъ снѣ, и не зная, что отвѣтить ему,—Эдвардъ ограничивался тѣмъ обыкновенно, что ласково проводилъ ему ладонью по волосамъ снизу вверхъ и добродушно посмѣшивался.

И такъ Аннѣ жилось изрядно; но прошелъ годъ, другой, и вдругъ, совершенно опять неожиданно, объявила она, что выходитъ замужъ.— „Какъ? Что?—За кого?...“ послышалось съ разныхъ сторонъ. На этотъ разъ женихъ оказался подмастерьемъ изъ портныхъ. Какимъ образомъ, гдѣ сдѣлано было знакомство,— никто не зналъ. Всѣ окончательно только ахнули, увидѣвъ жениха,—человѣка ростомъ съ наперстокъ, стѣженного, съ лицомъ желтымъ, какъ испеченая луковица, притомъ

еще прихрамывающего на левую ногу,—ну, словомъ, какъ говорится, совершенного михрютку.

Никто рѣшительно ничего не понималъ. Всѣхъ меньше конечно могъ понять Петя. Онъ горько плакалъ, когда его уводили съ Черной рѣчки, и еще громче зрыдалъ на свадьбѣ матери, когда, въ концѣ пирушки, одинъ изъ гостей ухватилъ вотчима за галстукъ и началъ душить его, между тѣмъ какъ мать съ крикомъ бросилась разнимать ихъ.

Не прошло нѣсколькихъ дней и наступила уже очередь Анны пожалѣть о торопливости связать себя брачными узами. Но дѣло было сдѣлано; каяться было поздно. Портной проводилъ день въ мастерской; къ вечеру только возвращался онъ въ свою коморку, сопровождаемый всегда пріятелями, въ числѣ которыхъ лучшимъ другомъ былъ тотъ, который собирался его задушить на свадьбѣ. Каждый приносилъ поочередно водки, и начиналась попойка, оканчивавшаяся обыкновенно свалкой. Тутъ доставалось всегда Аннѣ, попадало также мимоходомъ на долю мальчика. Сущая была катогра! Худшимъ для Анны было то, что мужъ почему-то не взлюбилъ Петю; онъ косилъ на него съ первого дня; при каждомъ случаѣ онъ изловчался зацепить его, и какъ только напивался, грозилъ утопить его въ проруби.

Такъ какъ портной пропадалъ по нѣскольку дней сряду, деньги всѣ пропивались и не на что было купить хлѣба, Анна, для прокормленія себя и ребенка, ходила на поденную работу. На это время поручала она мальчика старушкѣ, жившей въ одномъ съ нею домѣ; лѣтомъ старуха продавала яблоки, зимою торговала на Сѣнной варенымъ картофелемъ, тщательно прикрывая чугунный горшокъ тряпкой и усаживаясь на немъ съ большимъ удобствомъ, когда на дворѣ было слишкомъ холодно. Она всюду таскала Петю, который полюбилъ ее и называлъ: бабушкой.

По прошествію нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мужъ Анны совсѣмъ пропалъ; одни говорили,—видѣли его въ Кронштадтѣ; другие уверяли, что онъ тайно обмѣнялъ паспортъ и переселился на жительство въ Шлиссельбургъ или „Шлюшино“, какъ чаще выражались.

Вместо того, чтобы свободнѣе вздохнуть, Анна окончательно тогда замоталась. Она сдѣлалась какою-то шальной, лицо ея осунулось, въ глазахъ явилось без-

покойство, грудь впала, сама она страшно исхудала; къ жалкому ея виду надо еще то прибавить, что вся она обносилась; нечего было ни надѣвать, ни закладывать; ее покрывали одни лохмотья. Наконецъ, однажды, и она вдругъ исчезла. Случайно дознались, что полиція подняла ее на улицѣ въ обезсиленномъ отъ голода состояніи. Ее свезли въ больницу. Соотечественница ея, прачка Варвара, навѣстивъ ее разъ, сообщила знакомымъ, что Анна перестала узнавать знакомыхъ и не сегодня—завтра отдастъ Богу душу.

Такъ и случилось.

Въ числѣ воспоминаній Пети остался также день похоронъ матери. Въ послѣднее время онъ мало съ ней видѣлся и потому отвыкъ нѣсколько; онъ жалѣлъ ее однако же и плакалъ,—хотя, надо сказать, больше плакалъ отъ холода. Было сурое январское утро; съ низменнаго пасмурнаго неба сыпался мелкій сухой снѣгъ; подгоняемый порывами вѣтра, онъ кололъ лицо какъ иголками и волнами убѣгалъ по мерзлой дорогѣ.

Петя, слѣдя за гробомъ между бабушкой и прачкой Варварой, чувствовалъ, какъ нестерпимо щемятъ пальцы на рукахъ и на ногахъ; ему, между прочимъ, и безъ того было трудно поспѣвать за спутницами; одежда на немъ случайно была подобрана: случайны были сапоги, въ которыхъ ноги его болтались свободно, какъ въ лодкахъ; случайнымъ былъ кафтанишко, котораго нельзя было бы надѣть, еслибы не подняли ему фалды и не приткнули ихъ за поясъ; случайной была шапка, выпрошенная у дворника; она поминутно сползала на глаза и мѣшала Пети видѣть дорогу. Ознакомясь потомъ близко съ усталостью ногъ и спины, онъ все таки помнилъ, какъ уходился тогда, провожая покойницу.

На обратномъ пути съ кладбища, бабушка и Варвара долго толковали о томъ, куда теперь дѣть мальчика. Онъ конечно солдатскій сынъ и надо сдѣлать ему опредѣленіе по закону, куда слѣдуетъ: но какъ это сдѣлать? Къ кому надо обратиться? Кто наконецъ станетъ бѣгать и хлопотать? На это могли утвердительно отвѣтить только досужие и притомъ практическіе люди. Мальчикъ продолжалъ жить, треплясь по разнымъ угламъ и старухамъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилась судьба мальчика, еслибы снова не вступила прачка Варвара.

(До слѣд. №).

Старый Гудъ.

(Осетинская легенда).

Всеволода Соловьевы.

* * *

Въ глубокомъ ущельи, на берегу быстрой Арагви, расположено Осетинскій аулъ. Со всѣхъ сторонъ скрываютъ его громадныя горы, которые, кажется, вотъ-вотъ сойдутся и поглотятъ, раздавятъ бѣдныя сакли.

А между тѣмъ проходятъ вѣка — горы остаются неподвижными, и только временами, въ далекой вышинѣ ихъ, слышатся изъ аула глухіе раскаты. То старый Гудъ, на своей недостижимой вершинѣ, забавляется, сталкиваетъ огромныя глыбы снѣга въ пропасть.

Иной разъ, какъ ужъ черезчуръ разыграется онъ, случится, что швырнетъ снѣговой глыбой и до самого аула, прихлопнетъ снѣгомъ двѣ-три сакли. Въ такомъ случаѣ приходится таки поработать осетинамъ, чтобы разрыть навалившуюся громаду, высвободить попавшихъ сюсѣдей, не дать имъ умереть съ голоду подъ снѣгомъ.

Но все-же такія шутки Гудъ позволяетъ себѣ теперь очень рѣдко—осетины знаютъ хорошо его нравъ и стараютсяничѣмъ не раздражать его, стараются не обращать на себя его вниманія.

Въ длинные зимніе вечера, когда заметены снѣгомъ всѣ тропинки, когда не видно ни зги и нельзя носу

высунуть изъ сакли, старики любятъ разсказывать, въ назиданіе младшимъ, о продѣлкахъ старого Гуда, о приключеніяхъ, бывшихъ съ тѣми смѣльчаками, которые рѣшались потревожить могучаго духа на его снѣжной вершинѣ.

Нельзя человѣку безнаказанно увидѣть горнаго великаны—хоть и не золь онъ, да не подпускаетъ къ себѣ—собѣтъ съ дороги, заведетъ въ пропасть, закидаетъ снѣгомъ, погубить дерзкаго человѣка.

Не многие изъ тѣхъ, кто ходилъ къ нему въ гости, вернулись въ аулъ по добру—по здорову. Почти всѣ погибли, и только горные орлы да самъ старый Гудъ знаютъ—на днѣ какихъ стреминъ и пропастей блѣдѣютъ ихъ кости.

Тѣ же, кто вернулся,—добрались до дому измученные и полу живые,—водилъ ихъ водилъ могучій духъ, показалъ имъ всѣ ужасы своего мрачнаго царства, а жилища его заколдованные и самого его все же никому не привелось увидѣть.

Впрочемъ нѣтъ—видѣлъ его Кортуро, да что въ томъ толку!—какъ вернулся въ аулъ,—мычитъ только языка лишился, лишился и разсудка, и бродить съ тѣхъ поръ

Новый годъ! По рисунку Фоллина грав. О. Дзедзицъ.

на человѣка не похожій. Если не накормятъ добрые люди, такъ и съ голоду умретъ Кортуро—самъ не догадается, что быть надо. А какъ взглянетъ на Гудъгору — задрожитъ весь, замычить, загугукаетъ, пѣна у рта, глаза страшные такие станутъ—и бѣжать пустится, самъ не зная куда, только и остановится, когда наѣтнется на саклю либо на дерево.

Но какъ ни велико могущество старого Гуда, а и онъ, среди чудесъ своего горного царства, видно, не избавленъ отъ горя и бѣдъ, какъ и всякий бѣдный человѣкъ.

Случилось и съ нимъ разъ большое лихо, о которомъ старики осетины особенно любятъ рассказывать жадно и внимательно слушающей ихъ молодежи.

* * *

Дѣло это, видите, было давно, очень давно. Жила въ аулѣ, въ самой крайней саклѣ, самая, что ни на есть бѣдная семья—мужъ да жена. Люди еще молодые, работящіе; но какъ ни работали они, а все-же едва зарабатывали себѣ хлѣбъ насущный. Не было у нихъ радостей, да вотъ видно Богъ сжалился надъ ними и за всѣхъ бѣдствія послалъ имъ утѣшеніе — родилась у нихъ дочка. Назвали ее Ниной и такой красавицы ни до того, ни послѣ того не бывало во всей Осетіи. Выростала она веселенькая, здоровенськая, съ каждымъ днемъ хорошѣла. Всякій, кто взглянетъ на нее,—и ужъ не можетъ оторваться.

Выѣхѣть, бывало, маленькая Нина на дорогу—путникъ встрѣтится изъ дальней стороны, горецъ, либо курьеръ какой, остановится, глядить на нее, любуется, будто заколдованный, даже слезы на глазахъ покажутся. Самому суровому человѣку, самому жестокосердому при взглядѣ на чудную небесную красоту эту сдѣлается и сладко такъ и горестно. Сердце въ груди невольно забываетъ и вспомнится самая добрая, самая лучшая, самая сладкая минута въ жизни. Вѣдь у каждого человѣка, кто-бы онъ ни былъ и каковъ-бы ни былъ, была въ жизни хоть одна такая минута.

„Да благословитъ тебя Богъ, дитя чудное!“ шепнеть путникъ и сунеть Нинѣ въ руку какойнибудь подарокъ.

А Нина глядѣть, улыбается, ласково киваетъ головой, отъ подарка не отказывается, а бѣжитъ съ нимъ къ отцу съ матерью.

И мало по малу, съ помощью красоты Нины, въ бѣдной саклѣ появляется и то, и другое, и третье—появляется достатокъ. Вотъ отецъ ея купилъ себѣ даже и десятокъ барановъ.

* * *

А время идетъ и Нина все хорошѣеть. Крѣпнутъ ея ножки быстрыя и весенней порою, когда снѣга сбѣгутъ съ горъ быстрыми шумными ручьями и между скалъ зазеленѣютъ пастбища, она гонитъ отцовскихъ барановъ въ горы. Она какъ маленькая серна карабкается по камнямъ и часто забирается на крутизну страшную.

Но не трусить маленькая красавица. Ей привольно и весело. Чудные глазки ея широко раскрываются отъ восхищенія, озираютъ окружающую могучую природу. Дѣтская грудь глубоко дышетъ горнымъ воздухомъ. И вотъ она своимъ тоненькимъ звонкимъ голоскомъ выводитъ первыя нотки осетинской пѣсни...

И разслышалъ разъ эти серебристыя нотки старый Гудъ со своей далекой вершины. Прислушался онъ. Что это такое? Источникъ-ли новый, чистой целительной воды прорвался изъ каменныхъ нѣдръ, тамъ далеко, внизу, и звенитъ переливаясь съ камня на камень?

Нѣтъ, то не вода звенитъ!

Соловей-ли то, изнывая отъ весеннаго счастья и муки, зоветъ свою подругу? Нѣтъ, то не соловей. То будто человѣческій голосъ.

„Да развѣ люди умѣютъ такъ пѣть?“ подумалъ старый Гудъ.

Отмахнувшись отъ себя облака, наклонилъ онъ свою сѣду голову, заглянулъ зоркимъ глазомъ туда, внизъ, въ далекіе предѣлы своего царства, откуда неслись странные звуки. И разглядѣлъ онъ па уступѣ скалы маленькую Нину.

Оперся онъ могучими локтями о каменные громады, да такъ и остался — долго глядѣлъ не отрываясь. И вдругъ тихія слезы потекли по щекамъ его, потекли по извивавшей длинной сѣдой бороды и, скатываясь на камни, заструились ручьями до самого подножья горы.

И говорили люди:

„То жаркіе весенние лучи солнца растопили ледъ на самой вершинѣ!“

Но лучи солнца — была красота Нины, а горный ледъ — сердце старого Гуда, впервые согрѣтое никогда еще не извѣданнымъ имъ чувствомъ.

* * *

Съ этой минуты полюбилъ могучій Гудъ маленькую Нину, да такъ полюбилъ, что только обѣ ней и думалъ, только обѣ ней и заботился. Слѣдить за нею съ утра до ночи, ни на шагъ не покидать ее сдѣлалось теперь его обыкновеннымъ занятіемъ. И занятіе это такъ разнообразило его жизнь, доставляло ему столько новыхъ радостей...

Выѣдетъ-ли Нина въ горы и пожелаетъ пробраться на самую вершину, куда ведетъ едва замѣтная, опасная тропинка, вмигъ тропинка эта выравнивается подъ ея ногами и идетъ она словно по гладкому полу.

Вотъ отвѣсная скала заграждаетъ ей дорогу; но мигъ—и камни сами собой складываются въ удобную лѣстницу. И по лѣстницѣ этой легко и свободно, будто поддерживающая кѣмъ-то, взирается она на скалу, откуда передъ нею разстилаются самые прелестные виды.

Побѣжитъ она по цвѣтущей лужайкѣ,—будто несетъ ее кто-то, едва касаются мягкой травы ея маленькия ножки. А если разбѣжавшись увидитъ она въ двухъ шагахъ отъ себя глубокую зияющую пропасть и почувствуетъ, что нѣтъ ужъ силъ остановиться, и готова крикнуть отъ ужаса — мигъ — и пропасть осталась за нею! А какъ она ее перелѣгла, кто перенесъ ее—она того не знаетъ и только весело ей и привольно. Окрестныя скалы повторяютъ ея беззаботный дѣтскій смѣхъ, ея звонкія пѣсни.

И радуется, глядя на нее, и любуется ею старый Гудъ, и нашептываетъ ей на ушко нѣжныя рѣчи. Но она ихъ не слышитъ. Ей чудится только, что это легкій горный вѣтерокъ шелеститъ вокругъ нея и перебираетъ пряди шелковистыхъ черныхъ волосъ, вьющихся локонами вокругъ ея граціозной головки.

Выѣдетъ-ли Нина со своими маленькими подругами собирать цвѣты и травы, — Гудъ уже здѣсь. Незримой рукой нарветъ самыхъ роскошныхъ, самыхъ душистыхъ цвѣтовъ, подберетъ ихъ въ разнообразные красивые букеты и уложитъ ихъ подъ камнями. Подойдетъ Нина — и разсыпаются передъ нею камни, и душистые цвѣты сами даются ей въ руки.

Маленькое стадо барановъ, принадлежавшихъ отцу ея, было избавлено отъ всякихъ случайностей и могло пастись гдѣ угодно и безъ всякаго надзора. Ни одинъ баранъ ни разу не упалъ въ кручу, ни одинъ волкъ ни разу не смѣлъ подобраться къ этому стаду, оберегаемому самимъ Гудомъ.

Не только днемъ, но даже и ночью не рѣшался покинуть свою любимицу старый Гудъ. Заснетъ маленькая Нина, набѣгавшись вдоволь и надышавшись горнымъ воздухомъ, заснетъ, а могучій духъ, склонившись къ ея изголовью, нашептываетъ ей чудныя сказки, наѣваетъ ей сладкія грѣзы. И снится ей все такое, чего она и понять не въ силахъ. Снятся ей чудеса подземнаго царства. Блестяще передъ нею груды самоцвѣтныхъ камней, текутъ золотыя и серебряные рѣки; шумятъ и звенятъ источники...

И вдругъ все стихаетъ и слышится только какой-то ласкающій голосъ, и видится только, среди набѣгающаго тумана, чей-то взглядъ—нѣжный и ласковый—на нее глядящій. Будто зоветъ что-то и манитъ, будто что-то сулитъ невѣдомое блаженство...

И сладко спить Нина подъ эти грэзы. А проснется, цвѣтущая, веселая, выбѣжитъ изъ сакли—и весь міръ Божій, и ясное небо, и горячее солнце, и громадныя горы будто шлютъ ей свой привѣтъ, будто звучать ей: „здравствуй красавица Нина“!

И среди этого привѣта, опять слышится не то тихій шелестъ вѣтерка, не то чей-то нѣжный и уже знакомый голосъ:

„Нина, я люблю тебя“!

* * *

Проходили годы. Нина изъ прелестнаго ребенка превратилась въ роскошную дѣвушку, да такую, что подобной красавицы нельзя было сыскать не только что въ Осетіи, но и во всемъ мірѣ. Ни при одномъ дворѣ царскомъ, ни въ одномъ гаремѣ не бывало такой красавицы. Ни одинъ владыка земной такой и во снѣ не видывалъ.

Страсть Гуда усиливалась съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой. Онъ не зналъ, что и выдумать для того, чтобы позабавить Нину, для того чтобы лучше выказать ей любовь свою. По прежнему усыпалъ онъ ей путь цвѣтами, по прежнему переносилъ ее на незримыхъ крылахъ черезъ кручи и пропасти. Но Нина мало обращала на все это вниманія — она съ дѣтства привыкла ко всѣмъ этимъ чудесамъ и они казались ей естественными.

Она по прежнему проводила цѣлые дни въ горахъ, распивала свои пѣсни, но прежняго дѣтского веселья въ ней уже не было. Временами на нее нападала не то тоска, не то скуча.

Взбравшись на вершину, откуда ей открывалось великолѣпное зрѣлище, гдѣ старый Гудъ разстипалъ передъ нею соткное изъ облаковъ, причудливое марево — Нина равнодушно оглядывала всѣ эти чудеса Божіаго міра, не чувствуя, какъ въ ея глубоко дышащую грудь вливается струя живительного горнаго воздуха. Изъ ся черныхъ, задумчивыхъ глазъ одна за другою капали слезы. Она тихо вздыхала и невольно хваталась рукою за сердце, которое вдругъ отчего-то начинало такъ шибко, шибко биться.

Гудъ въ изумлениіи глядѣлъ на нее и никакъ не могъ понять — что это значитъ, и съ тоскою шепталъ ей:

„О чемъ ты, моя красавица? Чего тебѣ надо?! Гляди — какъ хорошо вокругъ тебѣ!.. и все, что здѣсь есть — всѣ эти горы, снѣга, источники, эти цвѣты и травы, эти облака — все это мое... и все это я дарю тебѣ! Ты — царица моего царства!...“

„Гляди туда, вверхъ,—тамъ, гдѣ переливаются на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги вѣчные льды, тамъ — за этими льдами — стоитъ мой замокъ! Онъ весь изъ чистаго горнаго хрусталию, онъ покрытъ волшебной рѣзьбою изъ серебра и золота... Много у меня собрано тамъ драгоцѣнныхъ камней — пойдемъ туда, пойдемъ въ мой хрустальный замокъ!...“

Но голосъ старого Гуда не достигалъ до сердца печальной красавицы.

Она равнодушно глядѣла туда, гдѣ за вѣчными льдами, какъ легкая, прозрачная дымка на синевѣ небесной, рисовались очертанія хрустальнаго замка. Она глядѣла — и не влекло ее туда. Ее влекло внизъ, въ родной аулъ.

И неслась она не разбирая дороги, перепрыгивая съ камня на камень съ такой быстротою, что старый Гудъ едва успѣвалъ за нею, чтобъ во время поддержать ее.

* * *

Но вотъ она останавливается на лужайкѣ, окруженнѣй вѣковыми соснами. Она прислушивается затаивъ дыханіе...

Чу! звуки пѣсни!.. Сильный мужской голосъ все ближе и ближе. Изъ-за деревьевъ показывается статная фигура молодого пастуха Сасико.

Яркая краска всыхиваетъ на щекахъ дѣвушки. Сердца ея бьется шибче и шибче.

Пастухъ подходитъ къ ней, заводить съ нею рѣчи, называетъ ее самыми нѣжными именами... И она не бѣжитъ отъ него. Она будто очарована, будто прикована къ мѣсту.

Она слушаетъ. Блаженная улыбка разливается по прелестному лицу ея. Она склоняетъ на его широкую грудь свою голову...

Мигъ — и горячій, молодой поцѣлуй оглашаетъ лужайку. Они въ объятіяхъ другъ у друга...

Что это?! внезапный вихрь налетѣлъ и шумятъ, качаясь, старыя сосны. Вихрь крутится по всей лужайкѣ, налетаетъ на Сасико, сбиваетъ съ него шапку. Вихрь свиститъ въ уши Нины:

„Несчастная, что ты дѣлаешь! Опомнись! Бѣги скороѣ прочь отъ него, отъ этого ничтожнаго человѣка!.. Не для него создана ты — я люблю тебя, я — могучій Гудъ, властелинъ этого царства!..“

Но не слушаетъ Нина. Еще крѣпче прижимается она къ своему милому и, не обращая вниманія на вихрь, они скрываются въ лѣсной чащѣ.

О, какое бѣшенство, какія муки ревности поднимаются въ сердцѣ старого Гуда! Еслибы только онъ могъ — онъ съ радостью превратился бы въ бѣднаго осетина, онъ отбилъ бы Нину у этого ненавистнаго Сасико!

Но горный духъ не можетъ стать человѣкомъ. Онъ невидимъ для красавицы Нины, а еслибы вздумалъ показаться ей въ своемъ настоящемъ образѣ, то она пожалуй и не вынесла бы его вида.

И въ бѣзсильномъ бѣшенствѣ старый Гудъ мчится въ свои далекіе снѣжные предѣлы, и на пути сталкивается въ пропасть груды камней, разметываетъ снѣга, поднимаетъ бурю, собираетъ грозовые тучи, кидаетъ молніи. Гулъ идетъ по горамъ, трепещутъ внизу люди и спѣшатъ скорѣе въ сакли.

„Старый Гудъ разыгрался!“ говорятъ они.

Но плохая теперь игра для старого Гуда!

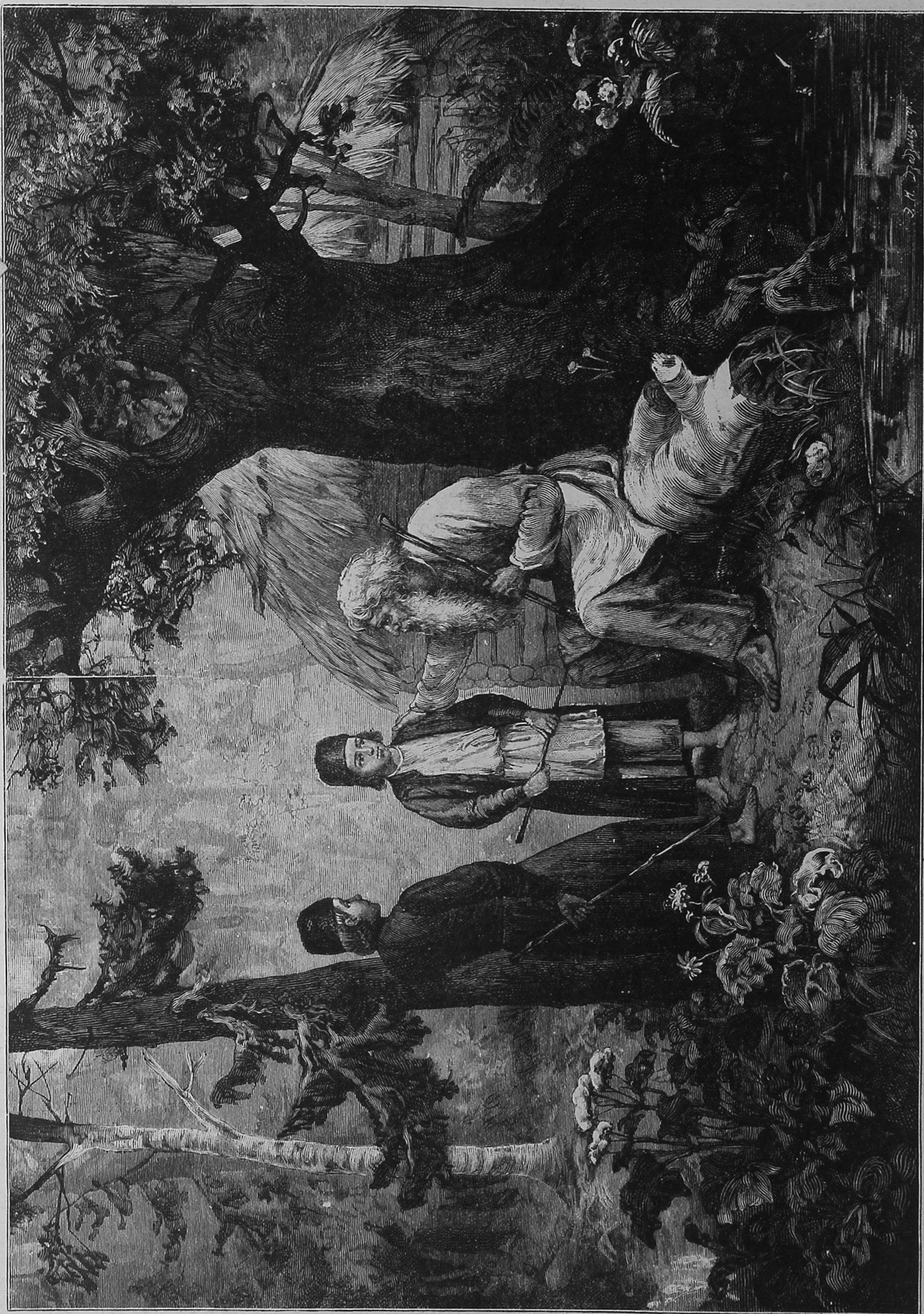
* * *

Съ этого времени Гудъ всячески сталъ преслѣдовать Сасико и рѣшилъ во чтобы то ни стало воспрепятствовать браку его съ Ниной. Когда молодой горецъ гонялся съ винтовкой за газелью — онъ заводилъ его въ самыя страшныя трущобы, застиналъ пропасти туманомъ, а то вдругъ возьметъ да и осыплеть его всего метелью.

Но Сасико не унывалъ. Онъ былъ молодъ, красивъ и на весь аулъ славился своей ловкостью и силой. Онъ лучше всѣхъ своихъ товарищѣй умѣлъ стрѣлять изъ винтовки и превосходно танцевалъ не только осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, такъ что приводилъ въ восторгъ и молодежь и стариковъ.

Сакля его отца была рядомъ съ саклей родителей Нины и такимъ образомъ каждый день представлялось не мало случаевъ влюбленнымъ видѣться, не прибѣгая даже для этого ни къ какимъ особымъ хитростямъ.

Нина не могла наглядѣться на своего милаго. Она шептала ему нѣжныя признания и клятвы — и наслушавшись этихъ сладкихъ рѣчей, нацѣловавшись и наиловавшись вдоволь со своей красавицей, онъ, перекинувъ черезъ плечо винтовку, пускался въ горы. Онъ сияль счастьемъ, почти захлѣбывался отъ избытка здоровья, молодости и силъ, которыхъ кипѣли въ немъ. Ему казалось, что — несмотря на то, что онъ только бѣдный го-

„Предсказание“. Изъ преданій о Патріархѣ Никонѣ. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Э. Дзелницкі.

Степная амазонки. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Н. Головинский.

рецъ и ничего больше—онъ счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ и весь свѣтъ принадлежитъ ему.

О старомъ Гудѣ онъ не очень-то заботился. Продѣлаетъ съ нимъ ревнивый духъ какую нибудь штуку—онъ только выбранитъ его хорошенько, да и то не отъ злости, а просто по привычкѣ.

— Ишь, старый дуракъ! крикнетъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ такъ, что эхо пойдетъ по горамъ;—опять чуть было не спихнула въ пропасть! видно дѣлать тебѣ нечего... Да вотъ жаль—не боюсь я тебя, не на таковскаго напалъ!..

И осторожно перебираясь надъ самой крутизной по камнямъ, которые такъ вотъ и сыпятся подъ ногами, цѣпляясь за вѣтки молодаго кустарника, которая вотъ-вотъ не выдержатъ его тяжести, обломятся и увлекутъ его на дно стремнины—Сасико легко, проворно вскарабкивался на уступы скалы. Онъ выжидалъ, пока туманъ не прояснится, и снова пускался за притаившейся газелью. Онъ ужъ измучилъ ее своимъ преслѣдованиемъ и, несмотря ни на какія препятствія, выставляемыя Гудомъ, настигалъ таки ее. Въ горахъ раздавался выстрѣль—мѣткая пуля попадала прямо въ цѣль. Сасико возвращался домой съ добычей, помышляя о своей Нинѣ, которая уже ждала его, считая минуты.

* * *

Въ горахъ бушевали бури. Снѣгъ падалъ хлопьями и устикалъ и голыя скалы, и цвѣтущиа пастбища. Пожелтѣвшіе листья спадали съ деревьевъ и кустарниковъ. Наступала зима. Осетины запирались въ своихъ сакляхъ. Нина уже больше не выходила въ горы, занесенные снѣгомъ. Гуду труднѣе было ее видѣть.

Но за то Сасико видалъ ее часто, еще чаще прежняго, и любовь ихъ не ослабѣвала, а напротивъ, росла съ каждымъ часомъ. Уже весь ауль зналъ про любовь эту, уже всѣ говорили о скорой свадѣбѣ красавицы Нины.

Старый Гудъ выходилъ изъ себя: ему не удавалось погубить Сасико, ему не удавалось разлюбить неблагодарную Нину, хоть онъ теперь и желалъ бы этого.

„Не бывать ей его женою!“ рѣшалъ онъ, и ужъ только издали наблюдалъ за ними, подкарауливая удобный случай.

Такой случай не долго заставилъ себя ждать.

Разъ молодые люди остались вдвоемъ въ саклѣ. Они крѣпко на крѣпко заперли дверь и, увѣренные, что никто не можетъ помѣшать имъ, предались самой нѣжной бесѣдѣ. Они рѣшили теперь послѣдніе вопросы: какъ и когда быть ихъ свадѣбѣ. Ихъ родители ничего не имѣли противъ ихъ соединенія; все складывалось самымъ благопріятнымъ для нихъ образомъ.

Сасико обѣщалъ Нинѣ, что будетъ всю жизньъ крѣпко любить ее, будетъ на нее работать и никогда не допустить, чтобы она въ чёмъ нибудь терпѣла недостатокъ. Но Нина не думала совсѣмъ о недостаткѣ.

Онъ съ нею, онъ никогда ее не покинетъ—чего же больше!?

Но все же она заставляла его поклясться, что онъ никогда не возьметъ себѣ другой жены, хотя бы достоинъ его черезъ нѣсколько лѣтъ и увеличился настолько, чтобы позволить ему такую роскошь.

Сасико взглянулъ на нее. Никогда она не была еще такъ хороша, какъ въ это утро.

Онъ вспомнилъ всѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ аула, всѣхъ, которыхъ когда либо встрѣчалъ—и рѣшилъ, что всѣ онѣ, вмѣстѣ взятые, не стоятъ ея мизинца. Поэтому онъ, не долго думая и отъ всего сердца, поклялся ей, что даже не взглянетъ никогда на другую женщину, будь она хоть княжеская дочь.

Нина крѣпко обняла его, спрятала на грудь его свою голову. Онъ покрывалъ поцѣлуями ея роскошные волосы, ея лобъ, ея нѣжныя щеки.

Они были увѣрены, что никто ихъ не видѣтъ—и опибались.

Старый Гудъ все видѣлъ и не могъ больше вынести этого зрѣлища.

Не то стонъ, не то крикъ злобной радости вырвался изъ могучей груди его и раскатился по горамъ, такъ что закачались сосны и отряхнули снѣгъ со своихъ вѣтвей. Захватилъ старый Гудъ огромную снѣжную глыбу и со всего размаха кинулъ ее на саклю, въ которой миловались Нина и Сасико.

* * *

Со всѣхъ сторонъ завалило снѣгомъ саклю. Выйти изъ нея не было никакой возможности, да и нужно было дня два, три работать, чтобы снаружи ее очистить и прорубить лазейку къ двери.

Нина и Сасико услышали глухой ударъ и думали, что потолокъ рушится надъ ними. Но потолокъ не обрушился, только тьма кромѣнная настала—и поняли они, въ чёмъ дѣло.

— Мы завалены снѣгомъ! прошептала дѣвушка.

— Да, ну такъ что же?! весело отвѣтилъ Сасико—тѣмъ лучше. Мы одни и много пройдетъ времени, пока отгребутъ снѣгъ и отворятъ двери. Мы одни!..

Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ невѣсту.

— Но я хочу тебя видѣть, шепталъ онъ,—я хочу любоваться на красоту твою! Да, и вотъ, смотри, у тебя холодѣютъ руки...

Онъ развелъ огонь. И не одинъ часъ просидѣли они передъ этимъ огнемъ, отдаваясь своимъ мечтамъ и не замѣчая времени.

Но все же голодъ заставилъ ихъ очнуться.

— Чего бы намъ пойти? вдругъ проговорилъ Сасико.

— Постой, милый, я поищу чего нибудь, можетъ, что и найдется,—отвѣтила вставая Нина.

Она нашла двѣ лепешки и небольшой кусокъ сыру.

Утолили влюбленные голодъ и снова предались своимъ мечтамъ и разговорамъ, и снова не замѣчали времени.

Но оно шло. Прошли сутки, начались другія. Голодъ томилъ и Сасико и Нину, а ъѣсть уже было нечего—отъ двухъ лепешекъ и сыру не осталось и крошки. Сначала они энергично боролись съ голодомъ, но онъ начиналъ побѣждать ихъ. Они успокоивали другъ друга, повторяя:

„Вотъ, вотъ сейчасъ отроютъ насъ“.

Часы шли. И хотя имъ казалось, что они слышутъ недалеко голоса, но снѣжная глыба была по прежнему плотно прижата къ двери и маленькимъ окнамъ. Теперь они уже не говорили о взаимной любви, они уже не ласкали другъ друга, они даже не замѣчали другъ друга, а сидѣли по разнымъ угламъ сакли и только жадно прислушивались, только ждали съ сердечнымъ замираніемъ.

А голодъ мучилъ все больше и больше. И Сасико и Нина чувствовали страшную слабость, которая усиливалась съ каждой минутой. Нина не выдержала и стала горько плакать.

Прошли еще сутки, наступилъ четвертый день заключенія ихъ подъ снѣгомъ. Вопли отчаянія раздавались въ саклѣ. Нина, совершенно обезсиленная, лежала на войлочномъ коврѣ, стонала и ломала себѣ руки. Сасико какъ звѣрь метался изъ угла въ уголъ. Ему удалось поддержать огонь; но не смотря на самые тщательные поиски, въ саклѣ не нашлось ничего стѣдобнаго. Голодъ рвалъ его внутренности. Глаза его ввали, окружились синевою и какъ-то неестественно и злобно горѣли.

— Умираю! стонала Нина, глядя на Сасико умоляющимъ, безнадежнымъ взглядомъ.

Но ни любви, ни жалости не возбудилъ въ немъ этотъ слабый голосъ красавицы.

Онъ остановился передъ нею, глаза его страшно блес-

нули, устремившись на круглое нѣжное плечо ея, выглядывавшее изъ-за распустившагося ворота сорочки, которую она въ отчаяніи на себѣ разрывала. Вдругъ онъ склонился надъ нею, крѣпко охватилъ ея станъ, прильнулъ къ этому плечу и... изо всѣхъ силъ вѣшился въ него зубами.

Нина отчаянно вскрикнула и почти лишилась чувствъ. Но въ эту самую минуту голоса послышались у двери. Дверь распахнулась и въ нее влился потокъ свѣта, потокъ свѣжаго зимняго воздуха.

Съ трудомъ оторвали Сасико отъ Нины. Накормили несчастныхъ. Они пришли въ себя. Нинѣ перевязали плечо; стали ихъ распрашивывать, но они долгое время не могли ничего отвѣтить. Только по временамъ они взглядывали другъ на друга и тотчасъ же отводили глаза въ сторону.

Любовь, которой казалось и конца не будетъ, страсть, которую они жили и дышали,—исчезли навсегда. Теперь они чувствовали другъ къ другу только отвращеніе, только ненависть...

А тамъ, въ горной вышинѣ, раздавался неудержимый, бѣшенный хохотъ старого Гуда. И отъ этого хо-

хота груды камней отрывались отъ горы и скатывались въ долину...

* *

„Вотъ какъ смеется нашъ могучій Гудъ!“—прибавлять обыкновенно старый осетинъ, рассказывая эту легенду.

„А что же стало съ Ниной?“ спрашиваютъ внимательные слушатели.

„Съ Ниной?“

Онъ опускаетъ глаза, лицо его выражаетъ нѣкоторое недоумѣніе.

„А кто ее знаетъ! Я и самъ про нее допытывался у покойнаго дѣда, да тотъ такъ ничего вѣрнаго и не сказалъ мнѣ. Но бабка увѣряла, что красавица Нина весною, когда снѣга сошли и лужайки покрылись зеленью, — отправилась въ горы, да больше и не возвращалась. Видно Гудъ таки добился своего—заманилъ ее на самую вершину. А что стало съ нею въ его хрустальномъ замкѣ, о томъ кто же разскажетъ?! Разсказалъ бы орелъ, если бы говорить умѣлъ—да и орелъ пожалуй не долеталъ никогда до жилища старого Гуда...“

Гудауръ. Военно-Грузинская дорога.

23 Августа, 1882 года.

На Украинѣ.

Неоглядная ширь, мириады цвѣтовъ,
Хутора, перелѣсья и степи...
Въ необъятной небесной дали—облаковъ
Тихо таютъ жемчужныя цѣпи...

* * *

И гарба, нагруженная сѣномъ, скрипитъ,
И волы головами качаютъ,

И задумчивый аистъ на крыше стоять,
И черепини на солнцѣ сверкаютъ...

* *

Все горитъ на полуденномъ жаркомъ огнѣ,
Все такъ дышетъ чарующимъ югомъ,—
И опять отъ Украины повѣяло мнѣ
Словно встрѣчей съ потеряннымъ другомъ...

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Русскіе типы. Дѣти-малороссы.

(Рис. на стр. 4 и 5).

Сколько племенъ и народностей живутъ на нашей великой родинѣ! И каждое имѣеть свои особенности, свою отъ вѣка уставившуюся жизнь, свой типъ... Малороссія съ ея красивымъ населеніемъ дала много сюжетовъ талантливымъ художникамъ, рисующимъ для нашего журнала, и читатели наши не разъ встрѣчали малороссійскіе типы. Такъ въ деревняхъ на каждомъ сбороишѣ, въ празднике, гдѣ молодежь собирается потанцовывать подъ скрипку—особенно мили дѣти. Миловидныя дѣвочки, будущія красавицы Оксаны и Ганны, разубранныя цвѣтами—прелестный мѣстный обычай—степенно сидѣть, посматриваю на игры большихъ; подростки-паробки, молодцовато заломивъ на бекренъ шапочонки, также стоятъ въ толпѣ. Два такихъ типа — дѣвочки и мальчика-малоросса увидятъ читатели въ этомъ номерѣ.

Новый годъ.

(Рис. на стр. 9).

Бѣть полночь и таинственный Новый Годъ нисходитъ на землю. Онъ несетъ надъ пустынными ночными долинами, спящими озерами и рѣками, несетъ надъ шумными городами, гдѣ, въ залитыхъ огнями домахъ, съ бокалами въ рукахъ люди ждутъ его появленія; несетъ надъ тихими деревнями, гдѣ тоже съ надеждой или горемъ встрѣчаютъ его, задумчиво соображая, что то онъ принесетъ съ собою. Сколько надеждъ, ожиданій, исполнившихся и неисполнившихся желаній! Сколько горя, отчаянія и сколько радости и счастья—какъ кому—придетъ съ Новымъ Годомъ! А онъ проносится надъ нами безстрастно и наступаетъ быстро! Занятія, хлопоты, болѣзни, радости, горе—смотрите: ужъ и роковая стрѣлка близится къ двѣнадцати и серебристый звукъ часовъ, обозначая полночь, раздался, и не замѣтили мы, какъ пронесся минувшій годъ и наступилъ Новый...

Предсказаніе Никону,

(Рис. на стр. 12).

Въ позапрошломъ году въ „Нивѣ“ было подробное жизнеописаніе этого знаменитаго московскаго патріарха, его быстрого, необычайного возвышенія, его высокихъ дѣлъ и его столь же громкаго и необычайного паденія. Очень понятно, что о та-

комъ замѣчательномъ лицѣ сложилось много легендарныхъ разсказовъ, ходившихъ въ народѣ; многие изъ этихъ разсказовъ, однако, потомъ подтверждались. Одною изъ такихъ легендъ воспользовался художникъ на прилагаемой картинѣ.

Лѣтнимъ вечеромъ 1617 года по густому лѣсу, недалеко отъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря, шли двое мальчиковъ въ одѣждѣ послушниковъ. Одинъ всего лѣтъ двѣнадцати, съ чрезвычайно умнымъ, подвижнымъ лицомъ и живыми черными глазами, особенно обращавшимъ на себя внимание. Оба прѣтеля пробирались изъ Печерскаго монастыря къ колдуну, жившему въ лѣсу, который славился среди мѣстныхъ жителей своими предсказаніями. Въ самой глухи, на полянкѣ, увидѣли они полуurosшу въ землю избушку и у нея на лавкѣ, грѣющемся на вечернемъ солнцѣ, сѣдаго старика. Мальчики прошли имъ погадать. Они попали къ избушкѣ всѣмъ окрестнымъ жителямъ извѣстнаго „вѣдуна“. Древній стариkъ принялъ ребятокъ ласково, и вдругъ быстро обратившись къ Никону, долго глядѣлъ въ его черные глаза и сказалъ: „Высоко тебѣ, малый, летать! Великъ на Руси будешь!“ Предсказаніе „вѣдуна“, какъ извѣстно, исполнилось: высоко, какъ орель, взлетѣлъ знаменитый архиепископъ, окончившій жизнь въ ссылкѣ, въ отдаленномъ сѣверномъ монастырѣ.

Степные амазонки.

(Рис. на стр. 13).

Солнце за полдень. Надъ зеленою степью сгустился теплый, ароматный паръ и застилаетъ даль синеватою дымкою. А даль эта безъ конца!.. Ровная гладкая — только кое-гдѣ, словно стражевыя вышки, виднѣются одинокіе курганы, а на одномъ изъ нихъ рѣзкимъ пятномъ свѣтлѣеть куполь аулы (святаго мѣста), могила какого-то стародавняго витязя-батыря, борца за неприкосновенность раздольной, кочевой воли.

Тамъ и сямъ вѣются дымки закопченыхъ войлочныхъ кибитокъ; на выбитомъ, оголенномъ, выжженномъ солнцемъ пространствѣ — лѣниво бродятъ верблюжьи табуны, пестрѣютъ несметные овчары атарты... да по извилистымъ балкамъ залегли, до ночной поры, бездомные бродяги, поджарые, тощіе степные волки... — а въ воздухѣ, въ самой вышинѣ, словно недвижные рѣютъ крылатые хищники, зорко глядываясь внизъ, въ гущи ковыля и полыни, въ мелкую заросль,—не засѣлали плохо, не зазѣвалась-ли какая нибудь глупая куропатка, не отошелъ-ли отъ норы далеко пестрощубый сторожкій сурликъ...

Все старое—спить по кибиткамъ, все рабочее дремлеть—безъ дѣла; сторожевые псы и тѣ лѣниво разметались на припекѣ... Вѣдь время за полдень только, это время покоя и лѣни, а вотъ попозже, когда спадеть солнечный жаръ и разстелится по степи синія тѣни, пахнетъ вечернею прохладою,—тогда все оживеть, все станеть на ноги... Дикимъ хоромъ заревутъ горбатые верблуды, сбиваясь въ кругъ, загалдять несмѣтныя атары, въ пыльныхъ тучахъ приближающіяся къ камышевымъ загонамъ, и звонко затрубятъ табунные жеребцы, гордо выступая во главѣ своихъ косяковъ съ матками и жеребятами... Вспыхнутъ костры, забурлять котлы и кунганды—и старое и малое—все высыпетъ на просторъ, на вечернюю дойку, всякую уборочную работу...

Вотъ въ этакую-то пору, по окромкѣ балки, то появляясь во весь ростъ, то пропадая въ ложбинѣ, бойко семенитъ короткими мохнатыми ногами горбоносый иноходчикъ; на высокомъ сѣдлѣ сидить дѣвка степная—кровь съ молокомъ, какъ говорять, если бы только молоко было цѣвтомъ какъ кожа дубленая, щеки скуластыя отъ жира лоснятся, угольками искрятся косы, черные глазки, сочный ротъ такъ исверкаетъ бѣлыми здоровыми зубами... Сидить наездница въ сѣдлѣ, словно на немъ выросла, наискось назадъ откинулась, рука съ плеткою лѣниво, безъ дѣла опущена... Ёдетъ вольно... Только—вдругъ—словно всю ее передернуло, къ лукѣ пригнулась, поводъ натянула и впередъ—будто борзая на зайца возрилась... Даже иноходецъ—и тотъ насторожилъ свое надрѣзанное короткое ухо и тотъ хранилъ своими подпоротыми ноздрями...

Это она другую наездницу замѣтила, съ дальніаго аула подругу... Ту, что на прошлой байгѣ за глаза своимъ иноходцемъ передъ парнями хвасталась...

— А ну-ка—думаетъ первая... Вотъ пришелъ случай показать удачу твоему нахваленому...

Надбавила ходу, ближе къ берегу балки держится...

По тому, другому берегу ёдетъ та, Нудханымъ, завистливая... Вонъ съ полверсты балка клиномъ сходится, какъ разъ у Мазара... тамъ и сѣдутся...

Размѣнялись дѣвки привѣтомъ... звонко размѣялись, руками рубахъ машили, безъ лишняго слова другъ друга поняли, наддали еще ходу и на полномъ бѣгу, съ размаха встрѣтились...

— Гайда—Нудханымъ!

— Гайда—Койчашъ!..

И понеслись по дорогѣ, только пыль по степи стелется... сѣдѣ бѣгуновъ обозначаетъ...

И мелькаютъ въ этой пыли—черные косы, красные платки, широкіе рукава рубахъ да косматые хвосты и гривы рѣзвыхъ

иноходцевъ... четыре пары некованыхъ копытъ дробный, чистый перебой выколачиваются... Не вѣдаютъ бѣгуны своихъ развеселыхъ холекъ... Не на верстѣ, на десяткахъ развѣ сила ихъ и рѣзвость скажутся...

— Держись Нудханымъ!

— Держись—Койчашъ!..

Наддай да наддай корноухий!..

Ученая собачка.

(Рис. на стр. 16).

Чего только не выдумаютъ эти шалуны дѣти! Бѣдную собачку привели въ самое неудобное и непривычное ей положеніе. На мохнатую, смѣшную мордочку ея надѣли большое ценснѣ, изъ-за котораго пресмѣшино выглядываютъ ея блестящіе глазки. Лапки ей положили на столъ, передъ ней поставили чернильницу и положили бумагу, и умный терперъ сидить и не протестуетъ противъ своихъ маленькихъ мучителей. Они хоточуть, заливаются глядя на собачку, а она терпѣливо ждетъ, когда ее освободятъ, ибо знаетъ, что дѣтки ее все-же очень любятъ и ей непремѣнно достанется хороший кусокъ сахара, о которомъ мечта и присутствуетъ въ ея хохлатой головкѣ, пока сквозь пенснѣ она смотрѣть на веселящихся дѣтей.

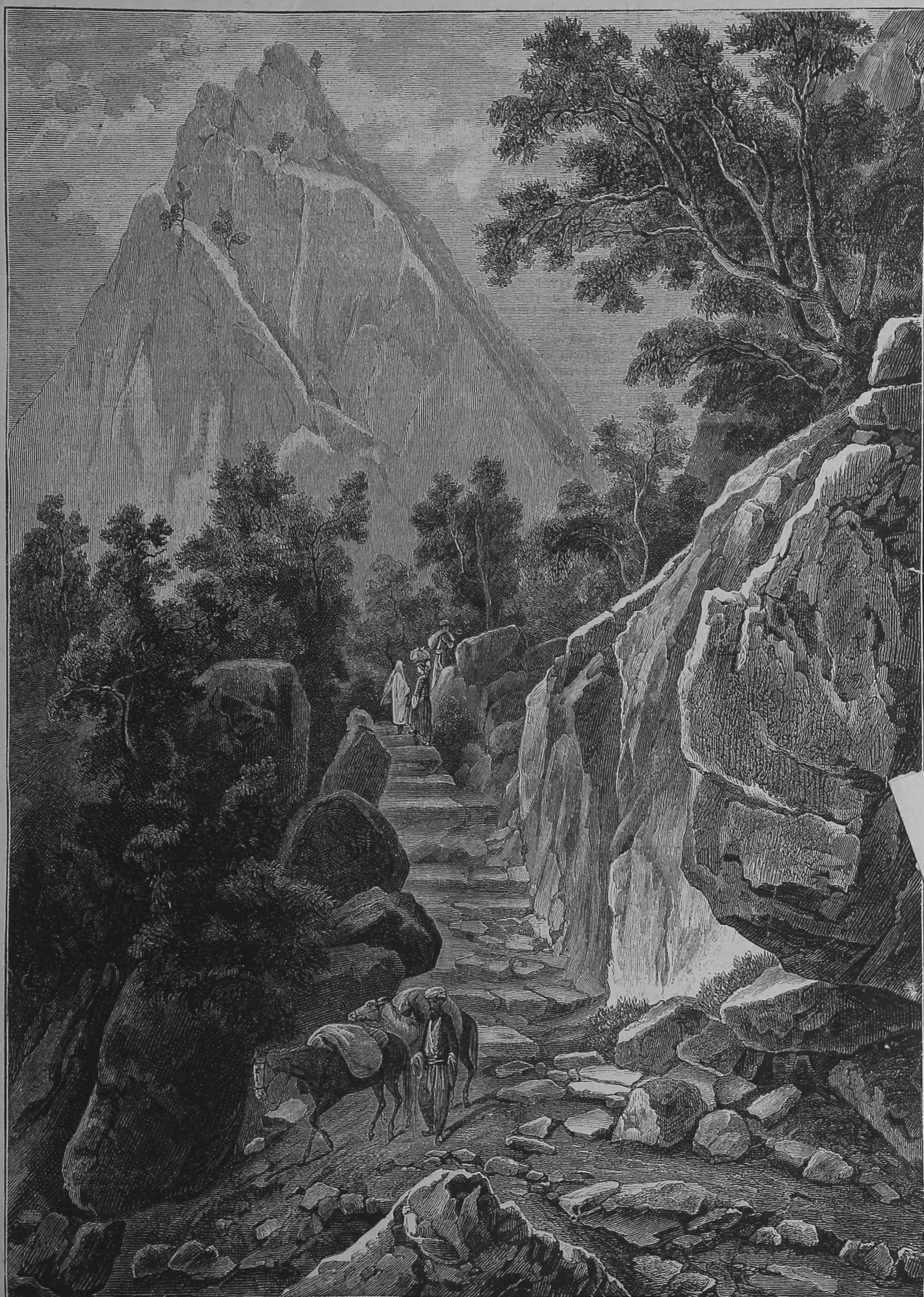

Ученая собачка. Рис. Н. Віу, грав. Новаль.

ская постройка, стоявшая громадныхъ усилий тѣмъ невѣдомымъ племенамъ, которыя вырубили ее въ скалахъ. Она почти вертикальна, и идти между двухъ отвесныхъ скалъ. Мѣстами ступени, размытыя горными потоками, замѣнены деревянными обрубками. Идти лѣстница зигзагами съ очень крутыми новорогами, которыхъ до сорока.

Оригинально восхожденіе на эту Чортову лѣстницу: на нее взираются обязательно верхомъ, или, какъ увѣрялъ Пушкинъ, держась за хвости лошадей. Татарскіе кони изумительно лазятъ по ступенямъ, и случаевъ несчастія здѣсь и не запомнятъ. Спускаются съ лѣстницы всегда пѣшкомъ.

Внизу, у ея подножія, были нѣкогда укрѣпленія, защищавшія переходъ, которымъ пользовались до устройства байдарскаго шоссе какъ единственнымъ переваломъ черезъ Яйлу въ этомъ мѣстѣ.

Крымскіе виды. Чертова лѣстница (Мердвенъ-Шайтанъ). Съ картины академика Фрикке грав. М .Рашевскій.

Политическое обозрение.

Смерть Леона Гамбетты.—Значение ея для Франции и остальной Европы.

Мы должны занести въ нашу хронику событие, несомненно имѣющее значение, которымъ закончился минувшій 1882 годъ. Леонъ Гамбетта умеръ въ понедѣльникъ, 20-го декабря. По словамъ иностранныхъ газетъ онъ умеръ отъ раны, которую получилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ долго находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкою г-жою Л. Сынъ этой женщины, мальчикъ лѣтъ 17, воспитывался въ Дрезденѣ подъ руководствомъ г. Гесселя. Г-жа Л. пожелала, чтобы сынъ ея послѣ вакаціи нынѣшняго года остался въ Парижѣ. Гамбетта-же настаивалъ на возвращеніи его въ Дрезденъ. Возникла ссора. Г-жа Л. схватила револьверъ, дѣлая видъ, что съ отчаянія хочетъ застрѣлиться. Но выстрѣлъ раздался внезапно и неожиданно, и пуля попала въ Гамбетту, который послѣ продолжительныхъ страданій умеръ отъ раны.

И такъ умеръ человѣкъ, на котораго значительная часть французовъ возлагала надежды, который во всякомъ случаѣ, несмотря на возможныя съ его стороны заблужденія и увлечениія все-же возвышался между нынѣшними ничтожными дѣятелями Франціи. Гамбетта конечно стоялъ выше посредственостей, захватившихъ нынѣ власть въ странѣ, и лучше ихъ понималъ и интересы и задачи своей родины. Его подозревали въ стремлѣніяхъ къ диктатурѣ, на него сыпалось много обвинений, но у какого человѣка, всю жизнь свою посвятившаго политической борьбѣ, не бываетъ ненавистниковъ и враговъ. Вокругъ него группировались умѣренные республиканцы „оппортунисты“—выдержать ли его партія, оставшаяся безъ главы, напоръ другихъ партій, останется ли вѣра себѣ послѣ смерти Гамбетты, но ей придется во всякомъ случаѣ выдержать сильную борьбу со стороны другихъ партій, и Франція опять увидитъ беспорядки внутренніе и раздоры.

Даже самые упорные сторонники нынѣшней республики говорятъ, что шансовъ на продолжительное существованіе она не имѣетъ. Какъ только устранится поводы несогласій между противоположными партіями, такъ явится совершенно готовая ком-

бинація конституціонной монархіи орлеанистовъ, представляющая въ глазахъ націи огромное преимущество вполнѣ равноправныхъ отношеній съ другими монархическими правительстами Европы.

Между почитателями Гамбетты и даже между его противниками было распространено мнѣніе, что онъ умѣлъ создать себѣ тайные ходы почти ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Онъ лично видѣлся съ королемъ Италии, бесѣдовалъ съ принцемъ Уэльскимъ, съ королемъ Эдинбургскимъ, посѣщалъ русского посла въ Парижѣ—даже изъ такого малозначащаго факта, какъ свиданіе его со Скобелевымъ, выводились самыя преувеличенныя и невѣроятныя заключенія. Многіе не желали видѣть Гамбетту во главѣ республики. Крайніе боялись, что существующій порядокъ утратить при немъ революціонный характеръ, который они старались сохранить за республикой. Противная партія боялась, что онъ своею умѣренностью помирить съ республикой. Теперь всѣ эти опасенія исчезли. Передъ Франціей вновь возстаетъ загадочный призракъ ея будущаго...

Для остальной Европы смерть Гамбетты тоже имѣеть значение. На будущей политической роли покойного строились планы и комбинаціи, которые теперь всѣ должны рухнуть.

Карьера его была бурная и во всякомъ случаѣ замѣчательная. Сынъ кагорскаго лавочника, затѣмъ секретарь адвоката Лашо, самъ потомъ адвокатъ, получившій извѣстность двумя политическими рѣчами, затѣмъ трибунъ и парламентскій ораторъ, членъ правительства національной обороны, потомъ диктаторъ Франціи, летавшій въ Турь на воздушномъ шарѣ, наконецъ президентъ палаты и въ послѣднее время, по выходѣ изъ своей должности, не несшій никакихъ обязанностей офиціальныхъ, бывшій „не у дѣлъ“ и все-же заставившій о себѣ говорить всю Европу.

Во второмъ, слѣдующемъ номерѣ мы помѣстимъ портретъ и біографію этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка, главы партіи умѣренно-республиканской, такъ называемыхъ „оппортунистовъ“.

Небесный скиталецъ.

Открытие.

Мы какъ бы вступили въ эру кометъ. Такъ, въ прошломъ году ихъ было цѣлыхъ семь, въ настоящемъ—видимъ уже четвертую. Первая, открытая 18-го марта Уэлльсомъ въ Бостонѣ, была видима простымъ глазомъ—за исключеніемъ времени нахожденія позади солнца, съ 10-го іюня—съ середины мая и до первыхъ дней іюля; вторая была наблюдана 17-го мая, близъ солнца, во время затмѣнія; эту великолѣпную комету также можно было размотрѣть, не приближая къ телескопу; третью открыть Бернардъ, въ Бостонѣ же, 10-го сентября; но ее видѣто только въ телескопъ, такъ какъ она находится въ періодѣ первого появленія и прогрессивно увеличивается въ своихъ размѣрахъ; наконецъ, четвертая, открыта Флинлемъ, 8-го сентября, на мысѣ Доброй Надежды и 12-го—Крульсомъ, въ Ріо-Жанейро.

Едва пришло это извѣстіе, какъ изъ Испаніи, Португаліи, Италии, Алжира и Южной Франціи по телеграфу было сообщено, что 17—19-го сентября близъ солнца, усмотрѣна блестящая комета, ясно видимая, не смотря на ослѣпительный солнечный свѣтъ, невооруженнымъ глазомъ. Она появилась съ западной стороны, сначала на разстояніи $1\frac{1}{2}^{\circ}$, потомъ 3° , а засимъ 6° , а 25-го сентября, въ 4 часа 25 минутъ утра, до восхода показалась съ восточной, украшенная великолѣпнымъ хвостомъ.

Блестящая комета, видимая при дневномъ свѣтѣ на очень близкомъ разстояніи отъ солнца—чрезвычайно рѣдкое явленіе. 17-го сентября и въ послѣдующіе дни небо надъ Парижемъ и надъ всей средней и сѣверной Франціей было покрыто облаками, такъ что и самое солнце оставалось невидимымъ. Но во всѣхъ тѣхъ странахъ, где погода стояла ясная, комету можно было видѣть и изслѣдовывать.

Комета сияла такимъ блескомъ, что даже въ полдень привлекала на себя всѣ взоры. Какъ сказано выше—примѣры подобного явленія весьма рѣдки и можно указать всего десять кометъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ вполнѣ заслуживающіе довѣрія наблюдатели, видѣвшіе ихъ днемъ, а именно: комета, явившаяся въ 43 г. до Р. Х. и считавшаяся римлянами душою Юдія Цезаря, незадолго предъ тѣмъ убитаго Брутомъ и Кассиемъ; далѣе—обѣ кометы 1402 г., кометы 1532, 1577, 1618 и 1744 гг., а также—1843 г., прошедшая необычайно близко отъ солнца, чрезъ его лучи, со скоростью, о которой трудно себѣ составить понятіе, т. е. 550 тысячъ метровъ въ секунду; нынѣшняя комета по счету—десятая.

Эта необычайная комета, которая, въ видѣ яркаго, предшествующаго солнцу метеора, впродолженіи мѣсяца, каждое утро появлялась на небосклонѣ, останется въ лѣтописяхъ науки одною изъ самыхъ блестящихъ и великолѣпныхъ.

И въ самомъ дѣлѣ—не будь намъ извѣстны законы этого

явленія, не будь намъ извѣстно, что оно ни въ чемъ не можетъ нарушить порядка движенія планетъ и не имѣть прямаго отношенія собственно къ человѣческому бытію—этотъ неизвѣдомо откуда и неожиданно появившійся фантастический, ко-сой огненный столбъ, медленно и безмолвно подымающейся съ востока прямо въ звѣздный міръ, какъ будто грозитъ чѣмъ-то страшнымъ нашей землѣ, невольно наполняетъ ужасомъ душу.

Нынѣшняя комета столь значительна по своему протяженію, что ея полный выходъ совершается болѣе, чѣмъ въ часъ, хотя на горизонте она показывается не въ перпендикулярномъ, а въ наклонномъ положеніи; ко времени же восхода еяширина достигаетъ такихъ размѣровъ, что могла бы прикрыть всю линію трехъ царей въ четырехугольникѣ созвѣздія Ориона; развиваемая ею сила свѣта настолько велика, что въ ту минуту, когда ея ядро опустилось за темный горизонтъ,—надѣ его лишией еще стоять отдаленное зарево, отблескъ ея лучей. И когда видишь все это, то какъ-то не вѣрится, чтобы подобное свѣтило не играло важной, хотя еще и, можетъ быть, недостаточно разъясненной роли въ мірозданіи.

Какъ велика должна быть сила ея свѣта, если въ теченіи трехъ дней, въ ясный полдень, не смотря на близкое сѣдество солнца, ее можно было видѣть простымъ глазомъ. Въ эту пору небесный небосклонъ, вѣроятно, служилъ театромъ огненныхъ движений такой силы, въ сравненіи съ которыми наши пороховые или динамитные взрывы могли бы показаться не болѣе какъ дѣтской игрой.

Изъ числа наиболѣе важныхъ наблюденій надъ этой кометой, укажемъ на наблюденія Булара, произведенныя имъ въ Алжирѣ. Астрономъ этотъ наблюдалъ явленіе почти каждый день, начиная съ 18-го сентября, сдѣлавъ также при этомъ и нѣсколько снимковъ кометы. На ясномъ небѣ Сициліи ея уже нельзя было съ 21-го сентября видѣть близъ солнца невооруженнымъ глазомъ. Въ Палермо, Рикко удалось, 22-го сентября, около полудня, увидѣть ее сквозь большой секторъ тамошней обсерваторіи. На слѣдующій день, 23-го, въ 5 часовъ утра, она вновь видѣлась сквозь глазомъ. Видѣнъ былъ, не взыграя на дневной свѣтѣ, тянущійся по направлению къ югу хвостъ въ шесть градусовъ длины.

24-го сентября ядро обладало силой свѣта Юпитера, а хвостъ тянулся въ видѣ длиннаго сложеннаго вѣра. Качатторе возникла мысль воспользоваться кометой для добра и дѣла и предложилъ желающимъ полюбоваться великолѣпнымъ явленіемъ—26-го сентября, ровно въ 5 часовъ—въ обсерваторіи, съ платою по 200 франковъ, въ пользу жителей Венеціанской и Ломбардской провинцій, пострадавшихъ отъ недавнихъ наводненій.

Парижское небо продолжало быть сърымъ и дождливымъ, чтъ и воспрепятствовало наблюденіямъ. Не лишею казалась бы мысль объ изслѣдованіи вліянія, которое кометы оказываютъ на температуру и винодѣліе. Никогда еще не появлялось за-разъ такъ много прекрасныхъ кометъ, какъ въ нынѣшнемъ году, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено, что виноградъ Франціи и не созрѣлъ, а также, что со временемъ сооруженія Парижской обсерваторіи не было еще столь ненастнаго лѣта. Впрочемъ, для того, чтобы вывести общіе законы вліянія планетъ или астрономическихъ феноменовъ, нельзя ограничиться наблюденіями надъ метеологическимъ состояніемъ одной только страны—Франція составляетъ одну тысячную часть поверхности земного шара—необходимы, конечно, наблюденія, охватывающія, въ этомъ отношеніи, всю планету.

17-го комета приблизилась, съ юго-западной стороны, къ солнцу и въ 3 часа 46 минутъ того же дня находилась въ видимомъ соприкосновеніи съ его дискомъ, а потомъ двинулась мимо него, проходя позади его (т. е. по отношенію къ нашей точки зрѣнія); обойдя, такимъ образомъ, вокругъ центральной планеты нашей системы и почти задѣвъ его восточное полушиаріе, комета направилась съ востока на западъ, пронеслась 17 вечеромъ между солнцемъ и землей и, затѣмъ, исчезла въ невѣдомыхъ глубинахъ міра. Можно предположить, что комета вышла изъ пространствъ, находящихся за солнцемъ; въ первой части своей дуги она приблизилась къ солнцу и къ намъ, по второй же удалилась отъ нашей системы.

Замѣчательнѣе всего то, что комета прошла близъ самаго тѣла солнца, но, конечно, не коснулась его, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, ей пришлось бы остаться тамъ; она пронизала газовую атмосферу, окружающую этотъ колоссальный шаръ, чѣмъ и повторила явленія 1843 и 1880 гг.

Ея атмосфера смѣшалась съ атмосферой солнца, но ядро осталось неповрежденнымъ въ этомъ огненномъ очагѣ, чрезъ который она пролетѣла со скоростью 560 тысячъ метровъ въ секунду.

Комета обошла кругомъ солнечного шара въ два часа времени, 17 сентября, приблизительно въ 6 часовъ вечера: не забудемъ, что шаръ этотъ имѣть въ обхватѣ болѣе миллиона миль.

Въ теченіе сутокъ—съ 6 часовъ 17 сентября и къ тому же часу 18-го—ядро кометы совершило не менѣе 5 миллионовъ

миль. Съ этого дня она удаляется отъ насъ по кривой, съ не-вообразимой быстротой. 18 сентября скорость ея суточнаго движения равнялась 3.800,000, 19-го 2.900,000, 20-го 2.150,000, 24-го 1.430,000, 4-го октября—1.160,000 миль. 15 октября, когда комета находилась уже на разстояніи, равномъ разстоянію земли отъ солнца, она двинулась, все еще, со скоростью 909,000 миль въ сутки. Затѣмъ, удалившись отъ солнца на 43 миллиона миль, а отъ земли на 56 миллионовъ миль, комета продолжаетъ дѣлать по 800 тысячъ миль въ сутки. Въ 5 часовъ утра 23-го октября, Фламмаріонъ, измѣривъ комету при весьма благопріятныхъ условіяхъ, опредѣлилъ ея протяженіе въ 20 небесныхъ градусовъ, изъ чего, въ свою очередь, явствуетъ, что длина ея достигаетъ по крайней мѣрѣ 20 миллионовъ миль.

Не смотря на то, что комета удалилась съ такой быстротой—она, вѣроятно, скоро возвратится, такъ какъ есть основаніе предполагать, что тождественна съ кометами 1843 и 1880 гг. Если это такъ, то мы видимъ, что комета 1843 г., сдѣлавшая свой пробѣгъ въ 37 лѣтъ, съ 1880 г. совершила его менѣе, чѣмъ въ 3 года. Различие находится въ зависимости отъ силы сопротивленія солнечной атмосферы.

Если—что весьма вѣроятно—нынѣшняя комета и есть та же самая, но только вращающаяся въ солнечной системѣ, то ее буквально можно сравнить съ бабочкой, которая бѣтъ вокругъ пламени. Ея судьба предопределена: ей не уйтти отъ той своей доли, противъ которой она, повидимому, борется, которой и страшится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жаждетъ. На этотъ разъ могучій взмахъ крыла вынесъ ее изъ отненнаго очага въ ледяныя пустыни міровыхъ пространствъ, но—она не выйдетъ изъ власти генія огня и теплоты; наэлектризованныя, намагниченная, порабощенна возвратится она и уже лишь для того, чтобы сгорѣть въ томъ очагѣ.

Если эта гипотеза подтвердится, то, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы будемъ присутствовать при безпримѣрномъ въ исторіи зрелищѣ; на темномъ небѣ мы вновь увидимъ несчастную комету; съ ежедневно увеличивающейся скоростью пропижеть она нашу систему и, удваивая, утраивая, удесятеряя свою быстроту, двинется по прямой линіи къ солнцу; стремительность ея будетъ такъ велика, что въ послѣднія секунды превзойдетъ 600 тысячъ метровъ. Скоро мы узнаемъ—подаритъ ли нась природа этимъ великолѣпнымъ спектаклемъ.

St. P. Z.

Библіографія.

Наши пути сообщенія. Составили Д. Рыбаковъ и В. Бѣловъ. Если гдѣ особенно необходимы удобные пути сообщенія, то это у насъ, въ Россіи, благодаря обширности равнинъ, ею занимаемой. Отсюда,—вопросъ о путахъ сообщенія имѣть большую важность, и всякая удачная попытка освѣтить его должна встрѣчаться полнымъ сочувствіемъ къ себѣ. Именно такого сочувственного отношенія заслуживаетъ выписанная нами книга. Состоя изъ нѣсколькихъ какъ-бы отдѣльныхъ главъ, она представляетъ собою весьма стройное описание „нашихъ путей сообщенія“, состоянія желѣзныхъ дорогъ и положенія водяного сообщенія. Обо всемъ этомъ читатель получаетъ весьма ясное понятіе, ибо, независимо отъ стройности, изложеніе отличается еще и полной общедѣстvenностью. Въ легкой формѣ авторы

стѣмѣли скрупульно спроектировать мнѣнія специалистовъ дѣла, подвергнувъ ихъ самостоятельной обработкѣ.

Что-же касается до ихъ отношенія къ нашимъ путямъ сообщенія, то они справедливо признаютъ за желѣзными дорогами, построенными съ цѣлями военной обороны, отсутствие экономического значенія, и наоборотъ, придаютъ огромнѣшее значение собственнымъ путямъ сообщенія, чрезвычайно удобно созданнымъ самою природою. Между тѣмъ, водяные и шоссейные пути сообщенія находятся у насъ въ заброшенномъ состояніи, что весьма печально. Вообще, авторы стоятъ за приведеніе въ связь нашихъ различныхъ путей сообщенія и за преслѣдованіе цѣлей экономическихъ при ихъ устроеніи.

СМѢСЬ.

Поразительно быстрый ростъ. Недавно привезенъ въ Парижъ одинъ юноша, представляющій собою большой медицинскій интересъ. Будучи девятнадцати лѣтъ отъ роду, 17 мая 1881 года, онъ имѣлъ шесть футовъ и три дюйма росту. Вскорѣ, въ одно прекрасное утро, онъ замѣтилъ, что выросъ сразу на одинъ дюймъ. Съ этого момента онъ сталъ еженедѣльно измѣрять свой быстро увеличивавшійся ростъ и въ настоящее время представляетъ собою мужчину семи футовъ и десяти дюймовъ росту. Впродолженіи нѣсколько болѣе года, онъ выросъ такимъ образомъ на одинъ футъ семь дюймовъ! Все это сопровождалось сильными болями въ спинѣ, отъ которыхъ онъ значительно согнулся; но съ юна мѣсяца нынѣшняго года быстро ростуть у него впрочемъ только одинъ ноги, имѣющія теперь уже двадцать четыре дюйма длины.

Объ употреблении табака. Ни одинъ физиологъ не скажетъ, конечно, что табакъ въ какой-либо формѣ необходимъ для человѣка. Тысячи здоровыхъ мужчинъ и огромное большинство женщинъ прекрасно обходятся безъ него. Тѣмъ не менѣе, вѣрно и то, что онъ распространяется все шире и шире и, разъ введеній въ страну, дѣлаетъ совершенно бесполезными усилия изгнать его изъ употребленія. Онъ не составляетъ также необходимости и при высшихъ умственныхъ напряженіяхъ. Данте, Микель Анджелло и Рафаэль пріобрѣли себѣ бессмертную славу безъ всякой помощи со стороны этого средства, возбуждающего нервную систему; равно нѣть похвального слова ему въ сказаніяхъ Сарвантеса или на страницахъ шекспировскихъ произведений, и не существуетъ указаний на то, чтобы Мильтонъ сочинялъ подъ его вліяніемъ, хотя привычка курить въ постели, быть можетъ, и была причиной его супружескихъ неустройствъ и разсужденій о разводѣ. Но какъ бы тамъ ни было, а привыканность къ табаку потребителей

его, настолько сильная, что ничто не въ состояніи удержать отъ желанія „затянуться“; страданія, испытываемыя ими безъ табака; трудность или почти невозможность оставить разъ пріобрѣтенную привычку курить — все это довольно ясно показываетъ, что табакъ составляетъ собою, по своему вліянію на нервную систему, нѣчто незамѣнное другими средствами. Для многихъ — ядъ; для другихъ табакъ — жизненная опора, безъ которой быть — значитъ находиться въ крайне бѣдственномъ положеніи. Насильственное воздержаніе отъ него является для многихъ самымъ страшнымъ наказаніемъ. Любопытный адресъ былъ поданъ недавно во Франціи г. Булей „Обществу противодѣйствія злоупотребленію табакомъ“ относительно экономическихъ и гигіеническихъ сторонъ пользованія этимъ наркотическимъ средствомъ. Всего потребляется табаку во Франціи не менѣе, какъ на 352.538.000 франковъ ежегодно. При этомъ самое государство содѣйствуетъ его распространенію, выдавая каждому солдату по 100 граммовъ на десять дней, съ чрезвычайно умѣренной платой — въ пятьдесятъ сантимовъ. Такъ дѣлается въ видахъ нѣкоторой замѣны пищи, представляемой табакомъ. И уже давно, еще въ 1854 году, маршаль Сентъ-Арно, будучи въ Варнѣ, писалъ управляющему военнымъ департаментомъ: „Послали-ли вы табаку для войскъ? Это очень важно, потому что табакъ является лучшимъ средствомъ, находящимся въ нашемъ распоряженіи, противъ тоски по родинѣ и для облегченія бывучихъ лишеній“. Далѣе, генераль Брокъ, въ своемъ „Traite des avant Postes“, сильно настаиваетъ на томъ, что куреніе должно быть развѣгаемо въ легкой кавалеріи, въ видахъ развлечения для всадника и отогнанія отъ него дремоты. „Какую отраду доставляетъ онъ раннимъ утромъ! — прибавляетъ генераль — прогонять сонъ, дѣлаетъ дождь менѣе пронизывающимъ, и жажду менѣе томительной“. Къ тому-же табакъ требуетъ стаи

и трута, — но тѣ же орудія необходимы и для разведенія бивуачнаго огня, безъ котораго курильщикъ поэтому и не останется.

Необходимо, показать и другую сторону потребленія табака по отношенію къ тѣмъ-же солдатамъ. Д-ръ Бланшетъ, военный хирургъ, пишетъ, что постоянное соприкосновеніе съ солдатами и изслѣдованіе послѣдствій куренія убѣждаетъ его въ томъ, что многія болѣзни должны быть приписаны единственно злоупотребленію табакомъ. Язвы на губахъ, во рту, на языке, въ носу, омертвѣніе челюстныхъ костей — слишкомъ часто являются результатами куренія. Другое страдаютъ по той-же причинѣ различными желудочными, часто весьма опасными, разстройствами. Третий, наконецъ, голово-круженіемъ, слабоуміемъ и даже временными припадками безумія. Выводъ изъ этого можно сдѣлать, кажется, тотъ, что насколько пріятно и, быть можетъ, полезно самое умѣренное куреніе табаку, настолько вреднымъ можетъ оказаться злоупотребленіе имъ.

Фотографическое изображеніе взрыва. Недавно, съверо-американскіе инженеры сняли фотографію съ разбитого корабля, взорвавшегося динамитомъ, съ цѣлью убѣдиться, сколько времени продолжается взрывъ и какіе виды онъ принимаетъ. Результатъ получился въ высшей степени интересный. Было употреблено шесть камеръ. Фотографія, снятая въ $\frac{1}{10}$ (одну десятую) секунды послѣ взрыва, изображала корабль, разорваннымъ въ куски при столбѣ воды въ 70 футовъ вышины; фотографія, снятая черезъ полторы секунды съ момента взрыва, изображала уже столбъ воды въ 160 футовъ высоты; третья фотографія, сдѣланная черезъ двѣ и одну треть секунды, показывала столбъ воды въ 180 футовъ; обломки корабля находились въ воздухѣ и "и одинъ изъ нихъ не упалъ еще на поверхность воды; четвертое изображеніе, сдѣланное черезъ три и три десятыхъ секунды, показывало, что столбъ воды опустился и самая поверхность оказывалась уже взволнованной; наконецъ пятое изображеніе, черезъ четыре и три десятыхъ секунды, показывало, что взрывъ въ это время уже окончился.

Профессоръ Геккель на о. Цейлонѣ. „Скромно позавтракавъ, я имѣлъ обыкновеніе тотчасъ-же предпринимать уединенную прогулку по берегу, или наслаждаясь видомъ пальмовыхъ деревьевъ, блестящее освѣщаемыхъ цѣлыми міріадами свѣтляковъ. Затѣмъ, я садился за памятную книжку или пробовалъ читать при свѣтѣ лампы съ кокосовымъ масломъ. А къ девяти часамъ оказывался обыкновенно настолько уставшимъ, что непрочь былъ ложиться спать въ десятомъ часу, что и дѣлалъ, предварительно встражнувшись нѣсколько разъ одежду изъ боязни скорпіоновъ и тысячеложекъ.“

„Большой черный скорпіонъ (около фута длиною) въ такомъ изобилии водится на Цейлонѣ, что однажды я собралъ полдюжины впродолженіи часа. Змѣй также чрезвычайно много. Тонкія зеленые древесные змѣи висятъ чуть-ли не на каждомъ сучкѣ, а ночью змѣя-крысоловка (*Coryphodon blumenthali*) охотится по крышамъ хижинъ за крысами и мышами. Хотя онѣ безвредны и ихъ укусеніе не ядовито, тѣмъ не менѣе ни малѣйшей пріятности не заключается въ томъ, если одна изъ послѣднихъ змѣй, въ пять футовъ длиною, вдругъ проваливается черезъ отверстіе въ крышу въ вашу комнату, иногда на постель...“

„Впрочемъ, вообще говоря, дикие звѣри весьма мало нарушили мой ночной покой въ Биллигамѣ, хотя частенько приходилось просыпаться отъ воя шакаловъ и различныхъ ночныхъ птицъ. Подобный же колокольчику крикъ красивенныхъ маленькихъ древесныхъ лягушекъ, обитающихъ обыкновенно въ чашечкахъ большихъ цѣвѣтовъ, дѣйствовалъ, наоборотъ, уаююющимъ образомъ. И гораздо чаще просыпался я подъ впечатлѣніемъ вихря моихъ собственныхъ мыслей, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній различныхъ случаевъ изъ прежней жизни и отъ предчувствія того, что должно было произойти впереди. Блестящая вереница дорогихъ сердцу сценъ, интересныхъ наблюдений и различныхъ опытовъ — смѣшивалась въ моемъ мозгу съ планами новыхъ предпріятій и новыхъ открытій на завтрашній день.“

Холодная зимы въ Европѣ. Вотъ интересныя данныя изъ хроники холодныхъ зимъ добраго стараго времени. Въ 401 г. Черное море совершенно замерзло; въ 768 же замерзло не только Черное море, но и Дарданеллы; снѣгъ-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывалъ землю на шесть футовъ. Въ 822 г. большія реки — Дунай, Эльба покрылись такимъ толстымъ льдомъ, что по немъ цѣлый мѣсяцъ могли возить всякія тяжести. Въ 860 г. замерзло Адриатическое море. Въ 991 г. стояла страшная стужа; жатва вся погибла и свирѣпствовалъ и голодъ, и чума. Въ 1067 г. въ Германіи множество людей замерзло на дорогахъ. Въ 1133 г. По покрылась льдомъ отъ Кремоны до самаго моря, а въ 1236 г. замерзъ Дунай и остался въ такомъ состояніи долгое время. Въ 1316 г. холода произвели страшный голодъ въ Германіи, а въ 1339 г. въ Шотландіи; жители питались травой и многіе поселяне погибли голодною смертью. Цѣлый рядъ зимъ 1432—33—34 годовъ отличался своею суворостью и въ одну изъ нихъ шелъ даже снѣгъ сорокъ дней сряду. Въ 1468 г. вино раздавали солдатамъ во Фландріи, превращавшееся отъ стужи въ твердую массу, которую нужно было разбивать топоромъ. Въ 1689 г. зима стояла чрезвычайно суворая. Топлива недоставало, а по Темзѣ їздили экипажи по всѣмъ направленіямъ, такъ какъ толщина льда на этой рекѣ доходила до одиннадцати вершковъ. Въ 1709 г. была страшная стужа и земля промерзла на девять футовъ въ глубину. Въ 1716 г. на Темзѣ суда были затерты льдомъ. Въ 1744 и 1745 годахъ въ Англіи самое крѣпкое пиво на открытомъ воздухѣ въ нѣсколько минутъ замерзло и покрывалось

слоемъ льда почти въ вершокъ толщиною. Въ 1809, а также въ 1812 г. стояли замѣчательно суровыя зимы. Въ 1814 г. была даже устроена ярмарка на замерзшей Темзѣ.

Помпейская живопись. Недавно въ Помпѣи сдѣлали замѣчательное открытие новой фрески, которая теперь и красуется въ неаполитанскомъ музѣи среди другихъ античныхъ сокровищъ. Эта фреска представляетъ судь Соломона, и это — первое произведеніе подобного рода съ библейскимъ сюжетомъ, которое было извлечено изъ здѣшней, чисто классической почвы. Картина имѣетъ $5\frac{1}{2}$ футовъ длины и 19 вершковъ ширины и изображаетъ террасу, украшенную выюними растеніями и защищенную отъ лучей солнца бѣлымъ пологомъ. Здѣсь, на возвышеніи, сидитъ царь въ бѣлой одеждѣ со скіпетромъ въ руцѣ. По обѣимъ его сторонамъ сидятъ его приближенные, а за ними видно шесть вооруженныхъ воиновъ. Царь представленъ упершимъся на ручку трона, обративъ свое лицо въ сторону женщины въ зеленой одеждѣ, которая стоитъ передъ нимъ на колѣнѣхъ съ распущенными волосами и распластертыми руками. Въ центрѣ судилища видѣнъ деревянный столъ въ родѣ обрубка и на немъ лежащий ребенокъ, который какъ-бы старается оттолкнуть отъ себя женщину въ тюрбанѣ, крѣпко захватившую его своими руками. Тутъ-же стоитъ вооруженный воинъ, въ шлемѣ съ длиннымъ краснымъ перомъ, который держитъ ребенка за ноги и готовится разрубить его своимъ мечемъ на двѣ части. Группа зрителей дополняетъ сцену, которая вообще состоитъ изъ девятнадцати фигуръ. Рисунокъ плохъ, но колоритъ блестящъ, и вообще картина сохранилась превосходно. Какъ произведеніе искусства, она конечно не выдерживаетъ критики, но въ ней есть другая сторона, обращающая на себя особое вниманіе. Всѣ фигуры картины представлены безобразными карликами съ огромными головами, что и наводитъ на мысль, что это не болѣе какъ карикатура римского художника на евреевъ и ихъ библейскія преданія.

Пресмыкающіяся лондонскаго зоологическаго сада составляютъ теперь богатѣйшую коллекцію, столь-же полную, какъ и другое отдѣлы этого замѣчательнаго учрежденія. По недостатку прежняго помѣщенія, теперь имъ строятъ новое со всѣми улучшеніями и приспособленіями. Это новая каменная постройка въ 120 футовъ длины и 60 ширины съ просторнымъ входомъ и комнатами длясмотрителя и прислузы. Въ центрѣ зданія устроенъ громадный водоемъ, предназначенный для крокодиловъ, а другое болѣе скромныхъ размѣровъ, для прочихъ водяныхъ пресмыкающихся. Населеніе этого нового павильона теперь состоитъ изъ 57 черепахъ, 10 крокодиловъ, 95 ящерицъ и 83 змѣй, изъ которыхъ 10 большой величины пифоновъ и ба.

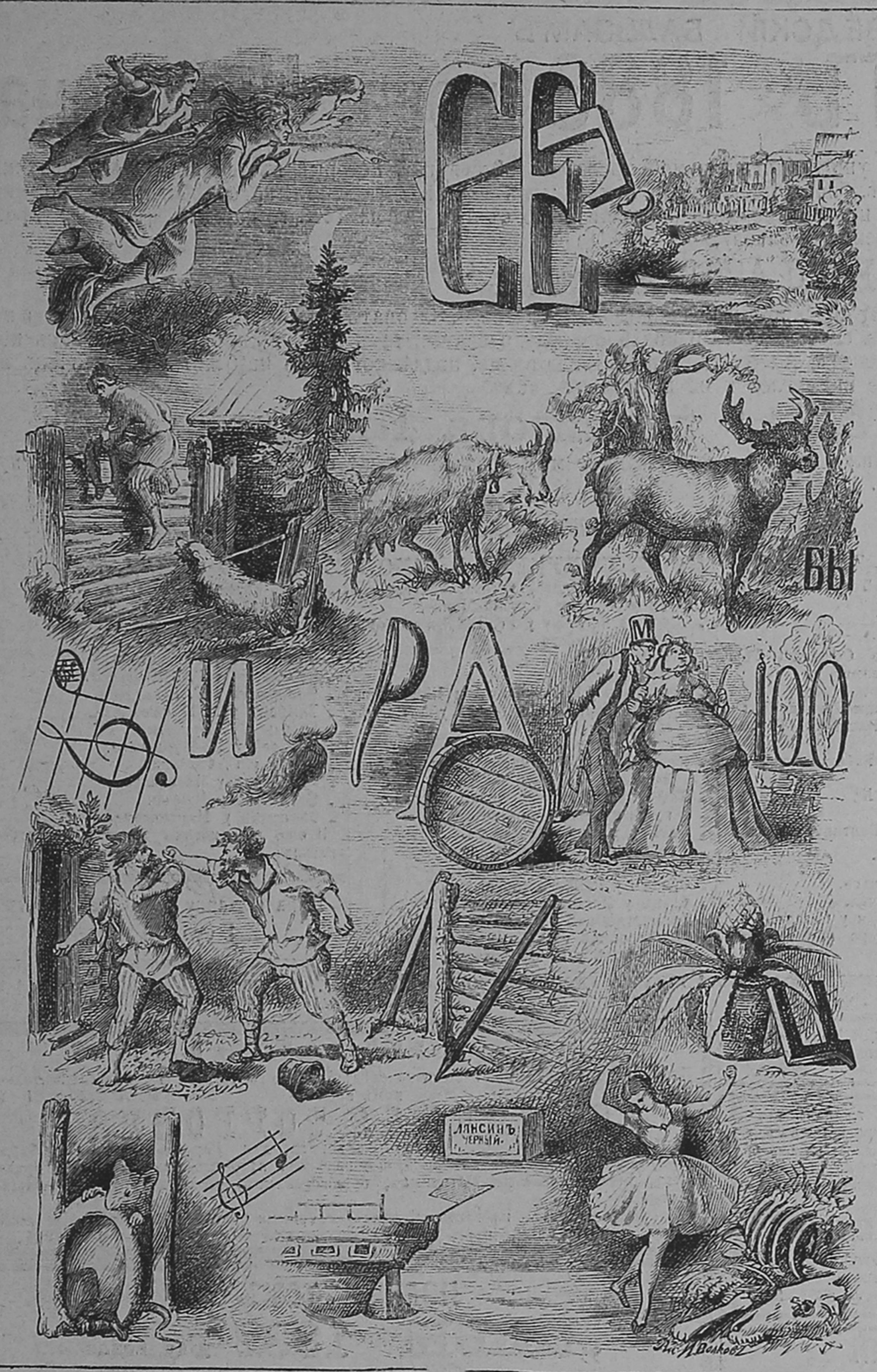
Электричество какъ оживляющая сила. Въ Америкѣ недавно была произведена интересная попытка оживить посредствомъ электричества повѣшенного преступника. Опять этотъ производился надъ трупомъ Джемса Троса, повѣшенного за убийство въ Чикаго, 15 сентября, причемъ шейные позвонки были раздроблены петлей. Минуту спустя трупъ былъ снятъ съ висѣлицы и доктора Маннъ и Блютгардъ начали опять примѣненія электричества къ оживленію преступника. Вотъ какъ они описываютъ добытые ими результаты:

„Опять начался съ помѣщенія одного полюса надъ становымъ хребтомъ, а другого надъ сердцемъ — послѣдній посредствомъ трехъ иглъ: одной надъ верхушкою, а двухъ подъ основаніемъ сердца. Иглы были введены подъ кожу, чтобы привести электрический токъ въ прямое сообщеніе съ сердцемъ. При приведеніи тока въ дѣйствіе, эффектъ получился замѣчательный: въ шеѣ и на лицѣ явственно были видны мускульныя сотрясенія; сердце начало сокращаться, хотя слабо и неправильно. Приложивъ ухо къ сердцу, можно было даже очень хорошо слышать эти сокращенія. Передвиженіемъ электродовъ мы достигли того, что придавали лицу трупа самыя разнообразныя выраженія. Руки сжимались; ноги двигались съ значительной силой, также какъ и мускулы желудка. Но самымъ замѣчательнымъ явленіемъ было для насъ ритмическое движение сердца, явившееся даже при раздробленіи шейныхъ позвонковъ, что даетъ намъ полное право предполагать, что оживленіе вполнѣ возможно при цѣлости шеи и неповрежденности спиннаго хребта, и что такое оживленіе можетъ быть произведено не только электричествомъ, но также треніемъ, искусственнымъ дыханіемъ, горячей ванной и другими средствами, общеизвѣстными въ медицинѣ. Но въ данномъ случаѣ, при раздробленіи шеи, оживленіе трупа было вполнѣ немыслимо и невозможно.“

Гнѣзда птицъ иногда встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, где всего менѣе можно подозрѣвать ихъ существованіе. Такъ, по словамъ одного французскаго журнала, воробы иногда избирали для гнѣздъ почтовые ящики; въ Ваттвиллерѣ такое гнѣзда нашли между колесами пушки, а близъ Мюльгаузена открыли убѣжище жаворонковъ подъ рельсами. Одинъ вѣнскій журналъ приводитъ другой примѣръ, столь-же странный. Въ Вѣнѣ ласточки сложили въ этомъ году гнѣзда во рту лошади; правда, впрочемъ, что это лошадь бронзовая и именно та, которая красуется вмѣстѣ со своимъ всадникомъ, эрцгерцогомъ Карломъ, передъ императорскимъ дворцомъ.

Самый широкій туннель въ Европѣ. Знаменитый древній подземный проходъ въ Позилиппѣ, теперь имѣетъ своимъ достойнымъ соперникомъ другой подобный проходъ, а именно желѣзнодорожный туннель между Неаполемъ и Пуцолой, оконченный постройкой 5-го августа этого года. Новый туннель, который соединяетъ въ прямомъ направленіи новѣйшихъ представителей древнихъ городовъ Неаполиса и Пуцеоли, имѣетъ болѣе 30 футовъ ширины при 36 футахъ вышинѣ.

РЕБУСЪ. Задача № 1.

О ПЕРЕМЪНЪ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подпischиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы.

**ON TROUVE
À LA PARFUMERIE DU
GRAND MONDE**

16. Grande-Morskaia 16.
toutes les meilleures parfumeries à des prix excessivement

BON-MARCHE

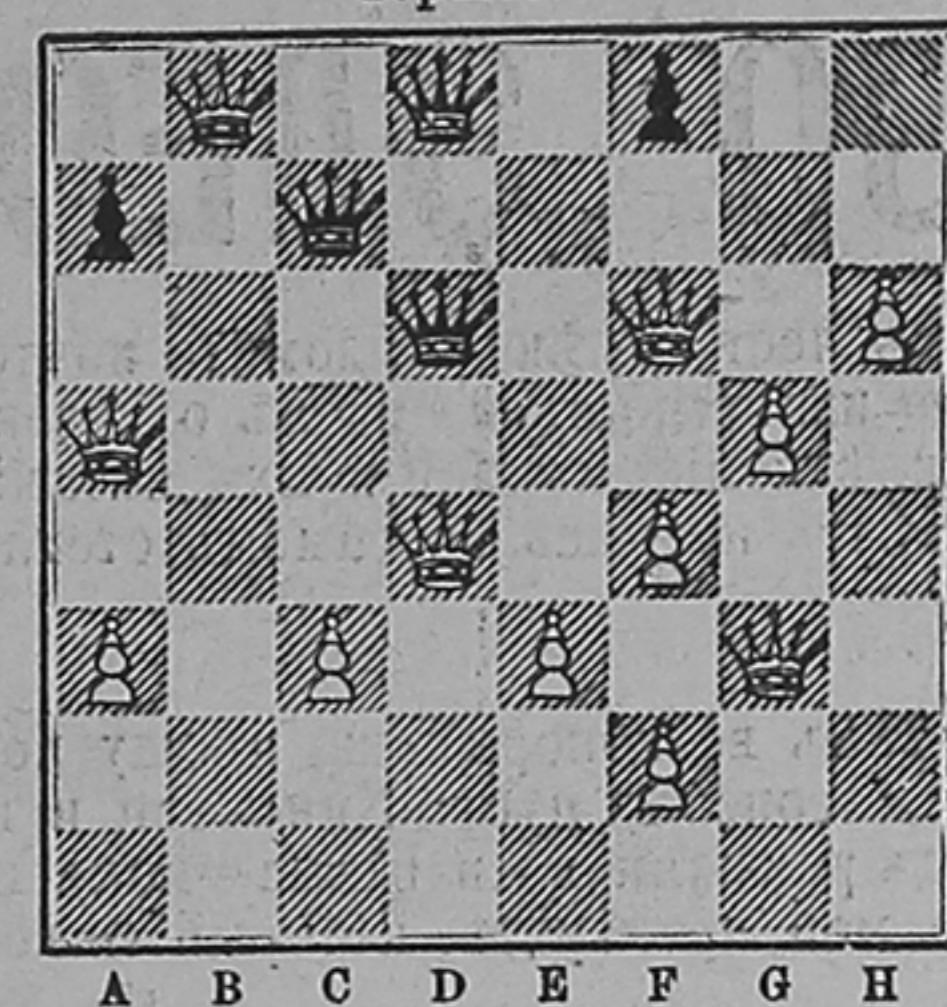
APERÇU DE QUELQUES PRIX.

Eau de toilette de Lubin, petit	1 35
” grand	3 75
Elixir de Pierre, moyen	1 10
” grand	1 70
” très grand	3 80
Eau de Cologne Jülich's Platz, 4,	
moyen	- 70
grand	- 140
Extraits d'Atkinson pet. 1 once	- 80
2° 2 ”	1 50
3° 4 ”	2 50
4° 8 ”	4 20
Sachet Atkinson	- 35
Poudre de riz de Java	- 50
Veloutine Ch. Fay de Paris	- 90
Savon Royal de Thridance de	
violet	- 55
Crème Simon, petit	- 40
” 2°	- 80
très grand.	- 1 60
Epingle blonde simili écaille	- 5
Belles boîtes à poudre de riz	
en métal anglais 20, 25 et	- 30
Affaire très importante d'articles en ivoire.	
Tres jolies brosses à tête ivoire, 23 centim.	
de longueur et de 7 à 8 centimètres de	
largeur (de 15 et 17 rangs) 8 r. la pièce	
Lotion aux violettes de Pinaud	1 -
Lotion aux violettes des bois	
Roume, petit	- 60
grand.	- 70
Eau de quinine Roume, petit	- 45
grand.	- 10
Eau de quinine Roume, petit	- 45
grand.	- 10

Шашечная задача № 2.

К. Цъхановича.

Черные.

Бѣлые начинают и защищают одну дамку черныхъ въ 7 ходовъ.

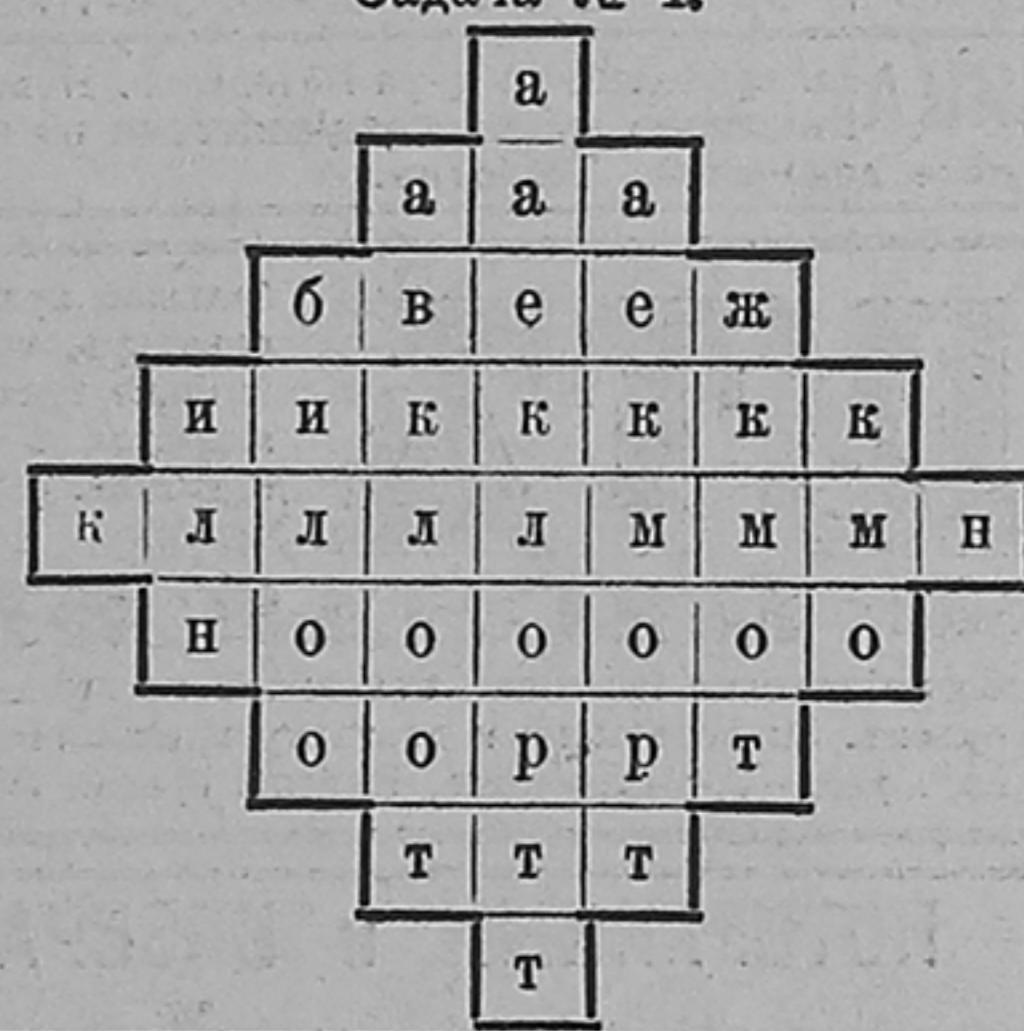
Алгебраическая задача № 3.

Фамилия одного русского дѣятеля состоить изъ 7 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

- 1) Сумма третьяго и четвертаго чисель вдвое болѣе втораго числа.
 - 2) Первое число на 4 болѣе втораго.
 - 3) Разность между пятымъ и седьмымъ числами составляетъ $\frac{2}{3}$ шестаго числа.
 - 4) Сумма втораго и третьяго чисель втрое болѣе послѣдняго числа.
 - 5) Сумма первого, втораго и четвертаго чисель равна числу недѣль въ году.
 - 6) Сумма третьяго и пятаго чисель на 1 болѣе удвоенного предпослѣдняго числа.
 - 7) Пятое число на 1 болѣе четвертаго числа.
- Узнать фамилию этого дѣятеля.

Магический крестъ.

Задача № 4.

СОДЕРЖАНИЕ: Патріарх Неворикъ IV (съ портр.)—Гуттаперчевый мальчикъ. Пов. Д. В. Григоровича.—Старый Гудъ. (Осетин. легенда). Вс. С. Соловьева.—На Украинѣ. Стих. П. Гнѣдича.—Русские типы. Дѣти-малороссы (съ рис.).—Новый годъ (съ рис.).—Предсказаніе Никону (съ рис.).—Степная амазонка (съ рис.).—Ученая собачка (съ рис.).—Чортова лѣстница.—Шайтанъ-Мердвенъ (съ рис.).—Политич. обозрѣніе.—Небесный скиталецъ. Очеркъ.—Библиографія.—Смѣсь.—Игры и задачи.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКАЯ МОДА“ съ прил. выкроекъ и рукодѣльемъ. Работа за Январь 1883 г. и „Стѣнной Календарь“—премія для подпischиковъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Маркъ.

(Articles "tout à fait supérieurs, très supérieurs).
Mt. № 1423

НЕОБХОДИМОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

ШВЕДСКИЙ БАЛЬЗАМЪ

1880 „ЭЛЕОПАТЬ“ 1883 пров. Кинунена.

Симъ честь имѣю увѣдомить почтен. публику, употребляющую мой препаратъ „Элеопатъ“, который въ теченіи 3 лѣтъ получилъ громадную извѣстность въ всемъ образованномъ мірѣ, благодаря своимъ природнымъ составнымъ частямъ, содѣствовать рошенію волосъ, укреплению корней и ихъ питанію, также и противъ перхоти на головѣ, что съ 1-го января 1883 г. каждый флаконъ, кромѣ марки, имѣть надпись въ самомъ стеклѣ, по собственному заказу,

„ЭЛЕОПАТЬ Кинуненъ“.

За тѣмъ всепокорнѣйше прошу почтен. публику поддержать общеполезное средство—„Элеопатъ“ тѣмъ, чтобы требовать всегда при покупкѣ „Элеопатъ“ пров. Кинунена и ни въ какомъ случаѣ другого подобного ему названія, такъ какъ въ продажѣ появились поддѣлки подъ разными названіями—какъ наприм.: Олеопатъ, Алеопатъ, Илеопатъ, которые, поддѣлкою подъ наружный видъ, очень походятъ на мой препаратъ, который никогда иначе не назывался и не называется, какъ

ТОЛЬКО „ЭЛЕОПАТЬ“ провизора Кинунена.

Наконецъ, честь имѣю благодарить почтенѣйшую публику за оказанное мнѣ довѣріе и дышу себя надеждою, что почтен. публика не оставитъ меня своимъ вниманіемъ и впредь.

Съ высокопочтеніемъ *Провизоръ Кинуненъ.*

ФИРМЫ, ВЪ КОТОРЫХЪ ИМѢВСЯ „ЭЛЕОПАТЬ“ ПРОВ. КИНУНENA ПРЯМО ИЗЪ МОЕГО СКЛАДА.

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Штоль и Шмидтъ. Во многихъ лучшихъ аптекахъ обѣихъ столицъ.
У Рузанова, въ Гостин. Дворѣ. Ушакова.
братьевъ Париковыхъ и К°.
Сафонова, Зеркальн. линія.
Рульковіуса и Гольмъ.
Въ Москвѣ, у К. Феррейна, Никольская.
у А. Брауна.
Вильзаръ и К°, бывшій Келера.
Гетлинъ и Штокманъ.
Эмиль Керстанъ.
Лютерь и Гиршфельдъ.
Маттейсена.
Варшавѣ, у В. Сандеръ, фирма Кохъ, Главная Агентура.
Кievѣ, у Южнаго Русск. Общества Тор-

говли Аптекарскими Товарами.
у Зейделя.
Неве.
Трещинского.
Харьковѣ у Русскаго Общества Торг. Аптекарскими Товарами.
у Грудева.
Николаевѣ у г-на Гиршберга и К°, Соборная улица, д. Вальтера. Главная Агентура.
Казани у братьевъ Бабиновскихъ и у магистра Грахе.
Одесѣ у Гельдера и К°.
у Залѣскаго и Лемме.
Елисаветградѣ, у Г. Контишалова.
Орѣ у г. Гермута.
Клодюсса.
Курскѣ у Г. Свищевскаго.
Тамбовѣ у Апт. Юргенса.
Вильно у Грушевскаго и у Сегала.
Кишиневѣ у Федермайера и у Щенскевича.

Полтавѣ у Попова, Аптекарск. Депо.
Ригѣ у Прокопа, бывшій Минке.
Ростовѣ на Дону у Г. Шарфа и Комп. у Нольтенсмайера.
Штремера.
Лапинскаго.
Таганрогѣ у Поллака и у Апт. Штрюмера.
Екатеринбургѣ у Линдера и у Апт. Вейербергера.
Калугѣ у Апт. фонъ-Асмуса.
Новочеркассѣ у Часовникова и у Апт. Фертига.
Тифлисѣ у Кавказск. товарищества торговли аптекарскими товарами.
Самарѣ у г-на Фильгабера.
Твери у С. И. Фальковскаго.
Костромѣ у Г. Прокопенко.
Сумахѣ у Г. Жуковскаго.
Ельцѣ у Николаева и у де-Низо.
Борисоглѣбскѣ у Р. Вейса.
Симферополѣ у Г. Соколовскаго.
Ставрополѣ у Г. Курачченко.

Керчь-Еникаль у Г. Гана.
Полоцкѣ у Апт. Штраферена.
Касимовѣ у Г. Дьяконова.
Тулѣ у Г. Ерокоса.
Симбирскѣ у Г. Филиппа.
Бѣлгородѣ у Г. Бѣльчикова.
Ярославлѣ у Г. Шнейдера.
Тамбовѣ у Г. Мѣшкова.
Гадячѣ у Г. Бурцева.
Острогѣ у Жаборовскаго.
Пензѣ у Г. Фабиани.
Астраханѣ у Пасецкаго.
Воронежѣ у Мюфке.
Саратовѣ у Мартенсона.
И еще во многихъ другихъ городскихъ аптекахъ.

Цѣна флакону въ С.-Петербургѣ
1 руб. 50 коп.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ“ высылается изъ Главнаго Депо, не менѣе 2 флаконовъ за 4 руб.; адресовать: въ Главное Депо „Алеопата“, Пассажъ, маг. № 52. въ С.-Петербургѣ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всемъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ПРЕМІЯ ЛѢСНАЯ ФЕЯ, ПРЕМІЯ

большая олеографическая картина, заказанная въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи въ Берлинѣ. За пересыпку и доставку премія господа подписчики прилагаютъ 1 р. 50 к. Адр. ред.—С.-Петербургъ, Невскій просп., № 110. № 2361 5—5

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАЙ.

ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорз. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящицѣ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящицѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

ПОДПИСКА на 1883 г.

„МИНУТА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

съ 1-го декабря выходитъ въ увеличенномъ форматѣ, по программѣ, которая имѣетъ цѣлью соединить серьезные отдѣлы большой прессы (политической, внутренней, финансовой, научной и др.) съ живымъ и легкимъ содержаніемъ прессы малой, не впадая, впрочемъ, въ мелочность и исключительный тонъ этой послѣдней.

Въ фельетонахъ газеты съ будущаго года начнетъ печататься новый большой романъ въ 3-хъ частяхъ Н. К. Никифорова (Нико-Ник), подъ заглавиемъ „Глухія мѣста.“

Подписная цѣна остается прежней:

Безъ доставки.

Съ доставкою въ Петербургѣ.

Съ пересылкою въ провинцію.

Годъ	6 р. 50 к.	8 р. — к.	9 р. — к.
Полгода	3 „ 75 „	4 „ 75 „	5 „ —
8 мѣсяца	2 „ —	2 „ 60 „	3 „ —
1 мѣсяцъ	— 80	— 90	— 1 „ —

Допускается разсрочка платежей по соглашению съ конторою редакціи.

ПРЕМІЯ. Новые годовые подписчики на будущій годъ при первомъ же номерѣ получатъ бесплатную премію: романъ „Злой умыселъ“ Н. К. Никифорова.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ газеты „МИНУТА“, уголъ Вол. Итальянской и Вол. Садовой, д. Крафта (противъ Пассажа).

№ 2428 1—1

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Имѣю честь донести до всеобщаго свѣдѣнія, что откроется въ непроложительномъ времени

М. № 2419 1—1

СЪМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ

въ Москвѣ, на Садовой ул., у Красныхъ воротъ, домъ Раузеръ. Большой выборъ наплучшаго достоинства съмнъ экономическихъ, луговыхъ, деревесныхъ, огородныхъ, цветочныхъ и декоративныхъ, оранжерейныхъ, тепличныхъ и комнатныхъ растений.

Прейс-курантъ, наполненный многочисленными объясненіями, будетъ пересыпаться по требованіямъ чрезъ почту бесплатно. Съмноторговецъ Ф. НИЧЕ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 года.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,200 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьевъ—„Вольтеръянецъ“, большой романъ Юкай—„Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго) „Подъ землею“, пов. Авсѣнко „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современ. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологии, астрономіи и проч., и проч., и кроме того большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобі—„Дорогой гость“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.

Съ пересылкою 5 „ 50 „

Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.

Съ пересылкою 7 „ —

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морскія, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА РУССКИЙ БІОГРАФІЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ немъ будетъ помѣщено до двухъ тысячи краткихъ біографій извѣстныхъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. Словарь periodически будетъ выходить отдѣльными выпусками и будетъ законченъ не-премѣнно въ теченіе одного 1883 года. Всѣхъ выпусковъ будетъ шесть: I) Духовныя лица, II) Литераторы, III) Артисты, IV) Ученые, V) Государственные люди и общественные дѣятели, VI) Военные.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ какъ на весь словарь, т. е. на всѣ шесть выпусковъ вмѣстѣ, такъ и на отдѣльные выпуски порознь.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за всѣ шесть выпусковъ съ пересылкою восемь рублей, за каждый отдѣльный выпускъ съ пересылкою два рубля. При подпѣскѣ вносится полная подпѣсная сумма, въ получениіи каковой немедленно выдаются квитанціи.

Издание будетъ печататься только въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какое потребуется для удовлетворенія подпѣсковъ, почему желающихъ имѣть „Русский біографіческій словарь“ просить ускорить подпѣскъ.

Требов. адресуются такъ: Курскъ, Павлу Антоновичу Ромашкевичу, учителю гимназіи.

Издатель словаря П. А. Ромашкевичъ.

Только что вышло изъ печати и продаётся въ конторѣ журнала „Нива“ въ Спб., Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣлении „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

ОДѢЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинимъ, составляеть прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такие, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвичамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.; въ каленк. п. е. п. съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ!

Получалъ постоянныя требования на русское сырье отъ многихъ заграничныхъ отдѣлений, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТИЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и тощее, штицун, мѣдь, конскія гривы и хвости, бараны кишки, клей и жиръ рыбий, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы.

Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцаго. Варшава. № 2850 12-5

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1883 ГОДЪ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“. ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
12 мѣс. 8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.
1 " 8 "	5 " 3 " 90 "	11 " 8 " 50 "	5 " 4 " 60 "
10 " 7 " 50 "	4 " 3 " 25 "	10 " 8 " —	4 " 3 " 70 "
9 " 6 " 75 "	3 " 2 " 50 "	9 " 7 " 40 "	3 " 2 " 75 "
8 " 6 " —	2 " 1 " 90 "	8 " 6 " 70 "	2 " 2 " —
7 " 5 " 25 "	1 " 1 " —	7 " 5 " 90 "	1 " 1 " 10 "

За границу: на 12 м. 17 р., на 6 м. 9 р., на 3 м. 5 р., на 1 м. 2 р.

Подпись принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. И. Чичина, въ отдѣлении конторы—близь Петровки, Столешниковъ пер., д. Каразинина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clément, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволять адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ“.

№ 2289 10—9

Редакторъ-Издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

НОВОСТЬ.
Безшибочно узнать будущее, незамѣтный подарокъ для каждого; брюсовскія карты гаданія, ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., а также говорящія карты, цѣна 75 к., съ пер. 1 р. Выписывающіе цо колодѣ высылаются только 2 р. Литейный пр., д. № 81, Н. Поповъ, С.-Петербургъ. № 2416 2-1

У извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургу, Москвѣ, Одессѣ, Киевѣ, Казани, продаётся только что вышедшія книги, продолженіе юмористическаго романа „ХОЛОДСТЯКА“:

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ

Частьц 1 р. 20 к.

Матушка Москва.
Сборникъ стихотвореній объ этомъ городѣ.

Бабушкины сказки.
Сборникъ сказокъ для маленькихъ дѣтей.

Елка.
Сборникъ мелкихъ разсказовъ для маленькихъ дѣтей.

Старикъ Годовикъ.
Сборникъ стихотвореній по временамъ года.

Календарь Крошка
для дѣтей.

Книжка Малютка.
Сборникъ загадокъ.

Большинство картинъ исполнено художникомъ И. Пановымъ.

Гг. иногородные адресуются въ контору изданія А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ складъ у книгопродавца И. Л. Тузова дм. Ступина, Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой; въ С.-Петербургѣ складъ у книгопродавца А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ складъ у книгопродавца И. Л. Тузова дм. Ступина, Москва, Никольская ул., рядомъ съ Ремесленной Управой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разомъ, платятъ 1 р. съ пересылкой.

Цѣна каждой книжечки 10 к., съ пересылкой 20 к. Выписывающіе цо книжечекъ разом

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
УЧЕБНЫХЪ ПОСО-
БІЙ И ИГРЪ.

основана въ 1878 г.; МЕДАЛИ на выставкахъ, въ Митавѣ 75 г.; въ Брюсселѣ 76 г.; въ Филадельфиѣ 76 г.; въ Парижѣ 78 г.; въ Парижѣ 79 г.; четыре медали въ Дерп-тѣ 81 г. и медаль въ Москве 82 г.

Троицкій пер., 11—3.
Новый объяснительный каталогъ съ 76 рисунками высылается за почтов. марки на 35 к. Въ этомъ каталогѣ каждая вещь сопровождается объяснениемъ, а где нужно — рисункомъ.

Справочный каталогъ мастерской сдана при ней высыл. за почт. марки на 14 к. Иллюстрированный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ и разныхъ принадлежностей къ фонаримъ, высыл. за почт. марк. на 21 к.

Практическое руководство къ употреблению волшебного фонаря и принадлежностей къ нему. Сост. А. Н. Ержемский, действительный членъ московской комиссии по устройству народныхъ чтений, съ 29 рис. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Арионетина. Сост. А. Н. Канаевъ, съ вопросами и задачами для усвоения погодного, съ 40 рисунками. Учен. ком. ми-народн. просв. и учебн. ком. св. синода допущена, какъ учебное пособие для училищъ. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Троицкій пер., 11—3.
№ 2398 2—2

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗСМОТРЕНЫ И РАЗРѢШЕНЫ СПБ. ВРАЧЕБН. УПРАВЛЕНИЕМЪ

КРАСОТА И СОХРАНЕНИЕ КОЖИ.

Вода де-Лись де-Нинонъ придает кожѣ блескъ и прозрачность, предохраняет ее отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходимо зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурными воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія, вызванного пылью и солнцемъ. Цѣна больш. фляк. 1 р. 50 к., съ пересыпкою 2 р.

Кремъ де-Лись де-Нинонъ имѣеть тѣ же свойства какъ вода де-Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ, употребляющимъ Больдъ-Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ пересыпкою 1 р. 50 к.

Пудра де-Нинонъ. Необходимое дополненіе къ водѣ или Крему де-Лись де-Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры. Цѣна за коробку 75 к. съ пер. 1 р. Ц. зажор. съ пуховкою 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, и у Аничкова моста, д. № 66.

На Вознесенскомъ просп., уголь Казанской ул., № 18—54, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петербур. Химич. Лабораторіи, по Измайловскому просп. № 21, собств. домъ. Описаніе и способъ употребленія высылаются по желанию безплатно. Р. № 2262 3—2

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ
изъ

ЗОЛОТА И СЕРЕБРА,
какъ-то: старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, вазъ, камней въ золотѣ изъ топаза или другихъ серебряныхъ вещей, какъ-то: кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ, вообще всякихъ родъ древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроме монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, г-ну Лудовику БЕНКЪ, Петровка, домъ Пенского, противъ Петровской аптеки. № 2278 9—5

НОВЫЯ КНИГИ

соч. А. П. Лопухина:

1) Жизнь за океаномъ, 1 р. 50 к. 2) Религія въ Америкѣ, 1 р. 3) Рим. Католицизмъ въ Америкѣ, 2 р. и 4) Гражданские законы Моисея и Судъ надъ И. Христомъ съ юридическими зѣнами, 2 руб. съ пер.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и у автора въ СПб. Духовной Академіи. № 2421

Дешевое изданіе ЮРГЕНСОНА.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

духовно-музыкальныхъ сочиненій

ДЛ. БОРТЯПСКАГО

изданіе подъ редакціей П. Чайковскаго. Всѣ фортепіанныя переложенія сдѣланы П. Чайковскимъ.

Цѣна всѣхъ 10 томовъ въ партитурѣ 12 р. въ голосахъ 12 р. Каталогъ дешевыхъ изданій Юргенсона (5,500 №) высылается бесплатно.

Москва, П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр. 10.

С.-Петербургъ, И. Юргенсонъ,

Б. Морская, 9.

Варшава, Г. Зенневальдъ, Медовая, 2.

П. № 2415

РУЧНАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦЫ

съ жерновами, цѣною 140 р. размалываютъ всякаго рода зерна на мелкую муку. Мельницы для конной и паровой силы цѣною отъ 150 р. Механическія зерносушильни, изобрѣт. В. Аккермана, локомобили, и другихъ земледѣльческихъ машинъ постоянно на складѣ при механическомъ заводѣ

В. АККЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Пески, Большая Болотная, № 6.

ГИЛЬЗЫ

изъ настоящей майской (некрашеной) бумаги (Носмолопитъ) въ Парижѣ, по достоинству и мягкости вкуса несравненно выше всѣ существующей. Цѣна за тысячу въ бумагѣ 60 к., а въ коробкѣ съ приложениемъ въ пачкахъ 70 к.; бѣлыя (шорфиль) въ бумагѣ 50 к. за тысячу. Бумагу можно получать въ книжкахъ и листахъ стопами. Эти гильзы также продаются и въ городахъ: Царскому Селю, Павловскому, Гатчинѣ, Кронштадту, Исковѣ, Ревель, Нарвѣ, Дерпти, Новгородѣ, Архангельскѣ и Каргополѣ, у всѣхъ известныхъ торговцевъ. Гг. торговцы даютъ надеж. скидка. Въ главн. депо рижск. сигар: Невск. пр., д. Казанск. собора, № 1—25, въ Спб. Письма и деньги адресов. В. Е. Петрову. № 2426 1—1

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

неимовѣрно подражаютъ золотые. Цѣны включительно съ пересыпкой. Цилиндрический большой форм. 7 р. меньшій 8 р.

Самозаводящіеся 10 р. Выпускающ. сразу 25 шт. 10% скидки 100, 20%

Отправка немедленно по полученіи всей слѣдующей суммы. Адр.: Торговый Домъ "Commerce Russe", Варшава. № 2349 12—5

КАРТИНЫ
печат. масляными красками, собствен. изданія, весьма дешево
для ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ
Новѣши.

Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карль Каулишъ (Carl Kaulisch). Хромо - литографическое заведеніе и печатн.

№ 2410 4—2

РОДИИ БЕКЕРА,
цѣною въ 600 уб., 700, 750, 900, 1,200, 1,600 р. продаются у единственнаго агента

П. Юргенсонъ,
комиссар Императорскаго Русскаго Общества и Московской Консерваторіи.

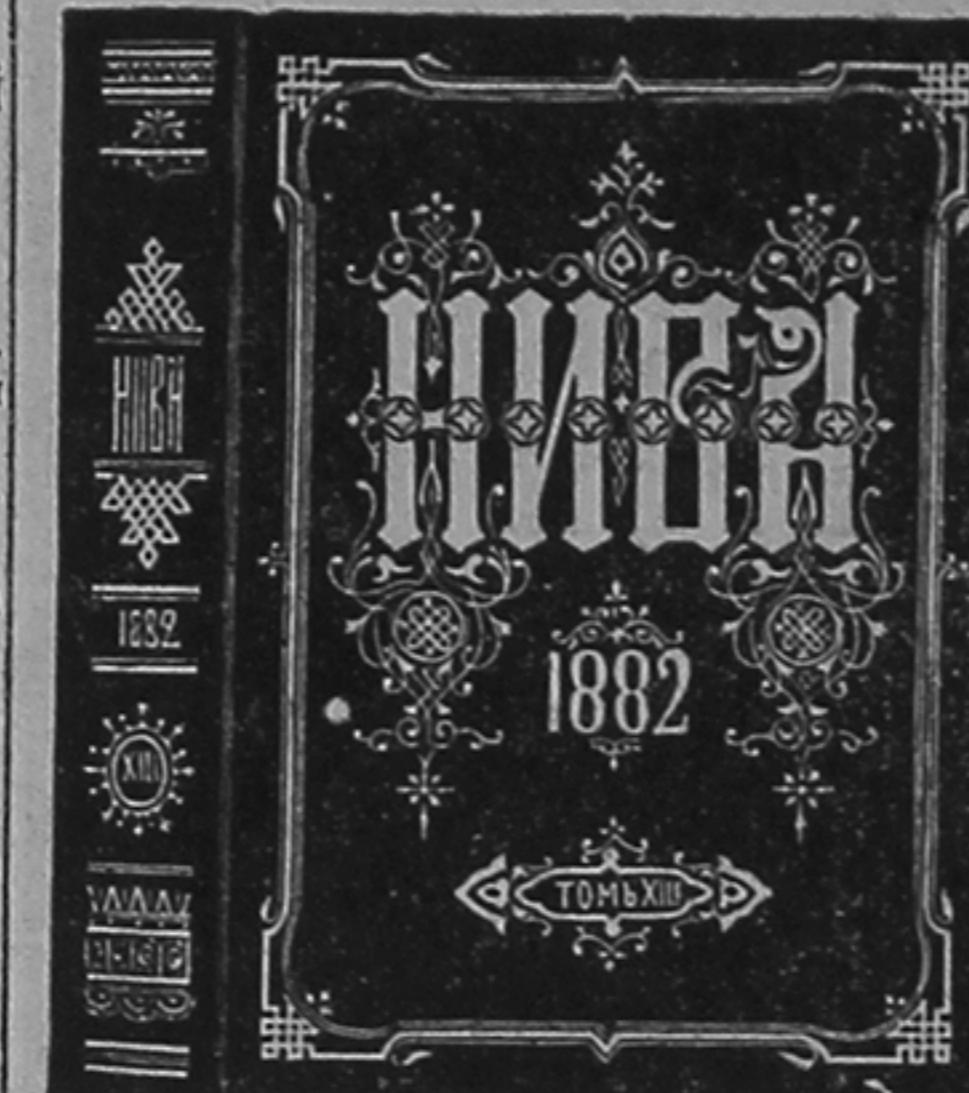
1) Жизнь за океаномъ, 1 р. 50 к. 2) Религія въ Америкѣ, 1 р. 3) Рим. Католицизмъ въ Америкѣ, 2 р. и 4) Гражданские законы Моисея и Судъ надъ И. Христомъ съ юридическими зѣнами, 2 руб. съ пер.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и у автора въ СПб. Духовной Академіи. № 2421

абря 1882 г.

Издание А. Ф. Маркса въ СПб.

Дозволено цензурою. СПб. 30

КРЫШКИ для переплета "НИВЫ" изъ

лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ

зол. тисн. по вышеозначенн. образцу

1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый про-

стой переплетчикъ легко можетъ пере-

плести "НИВУ" въ такую каленк-

ровую крышку. Также имѣются крышки

для "Нивы" прежнихъ лѣтъ, т. е.

отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ZAPOWIEDZ NA ROK 1883.

KRAJ

TYGODNIK POLITYCZNO-SPOŁECZNY

w Petersburgu, pod redakcja Erazma Piltza.

Przedpł.: roczne rs. 8, pôl. 4, kwart. 2;

z przes. poczt.: rocz. rs. 10, pôl. 5, kwart.

rs. 2 k. 50 Oglosz. 15 k. za wiersz.

Adres Redakcji: Площадь Б. Театра, 10.

№ 2398 3—3

VНОВЬ ОТКРЫТАЯ

ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,

въ С.-Петербургѣ,

фабрика: Лиговка, № 31, магазинъ: Вознесенскій, № 14, 10, покорѣше просить обратить вниманіе гг. куриящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ.

Р. № 2378 10—4

VEBERA, ОЧИСТИТЕЛЬ СНѢГА И

УРАВНИТЕЛЬ ДОРОГЪ.

Въ теченіе дня 2-е рабочихъ съ двумя лошадьми могутъ очистить отъ снѣга или исправить отъ 2 до 3½ версты самой испорченной отъ ъзды дороги, такъ что уравнитель окупается въ теченіи однѣхъ сутокъ. Вѣсъ 5 пуд., цѣна 35 р.

ВЪ ДЕПО МАШИНЪ, НАСОСОВЪ И ПО-

ЖАРНЫХЪ ТРУБЪ ТОВАРИЩЕСТВА

БУРКГАРДЪ И УРЛАУВЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 1-я линія, № 10.

Москва, Масницкая, д. Сытова.

№ 2422 4—1

"СЕЛЬСКІЙ ВѢСНИКЪ"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Подписаніе на 1883 годъ принимается С.-Петербургѣ, въ конторѣ "Правительственного 60 кон." для городскихъ подписчиковъ съ перес. 1 р.

3) Конторы подписчиковъ съ перес. 1 р.

7 коп. почт. марки. Выписывающіе же 5 книжекъ высыпаютъ 1 руб.

Издание Оскара Ланра. СПб. Пет. стор., Б. Гребецкая ул., № 20, кв. 4. № 2420 1—1

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

1) А. Ковалевскаго Губ. 1—2

Смотри въ № 48 Нивы, 1882 г.

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

№ 2333 6—4

Открыта подписка на 1883 г.

Въ Россіи: на г. 12 р.,

6 м. 7 р., на 3 м. 4 р.,

1 м. 1 р. 50 к.

За границею:

на г. 20 р.,

6 м. 12 р.

на БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

1) 2) 3) 4)

<p